

Д. Д. Галанинъ.

Леонтій Филипповичъ
МАГНИЦКІЙ
И ЕГО АРИΘΜΕΤΙΚΑ.

Вып. I.

Личность Магницкаго и его время.

МОСКВА.

Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, близъ Кудрина, д. 60.

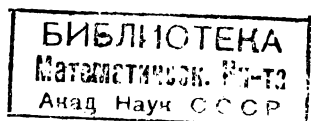
1914.

Д. Д. Галанинъ.

Леонтій Филипповичъ
МАГНИЦКІЙ
И ЕГО АРИѦМЕТИКА.

Вып. I.

Личность Магницкаго и его время.

МОСКВА.

Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, близъ Кудрина, д. 60.

1914.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Характеристика времени и обществъ, когда жилъ Магницкій.	3
Глава II. Славяно греко-латинская академія въ первый періодъ ея существованія (1685—1700).	15
Глава III. Школа математическихъ и навигацкихъ наукъ.	36
Глава IV. Леонтій Филипповичъ Магницкій.	48

Имя Магницкаго извѣстно почти каждому образованному человѣку въ Россіи, но личность Магницкаго неизвѣстна и тѣмъ немногимъ лицамъ, кто интересуется прошлымъ въ культурномъ развитіи этого государства; ариметика Магницкаго извѣстна очень немногимъ. Я позволю себѣ сдѣлать попытку очертить личность этого во всякомъ случаѣ выдающагося педагога и мыслителя по тѣмъ скуднымъ источникамъ, которые имѣются въ моемъ распоряженіи. Такими источниками я считаю два сочиненія Леонтія Филипповича: его ариметику и записку по дѣлу Тверитинова. На послѣднее сочиненіе какъ будто не было обращено совершенно вниманія, а между тѣмъ оно, по моему мнѣнію, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ какъ на служебное положеніе Магницкаго въ школѣ навигацкихъ наукъ, такъ и на самую личность автора. Къ сожалѣнію, исторія школы какъ будто не разработана, и мнѣ въ этомъ отношеніи приходится руководствоваться лишь обстоятельнымъ трудомъ г. Бобынина и тѣмъ, что можно найти объ этой школѣ въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Вотъ всѣ тѣ слишкомъ скудные источники, которые находятся въ моемъ распоряженіи, и если я рѣшаюсь на основаніи ихъ передать то, что я вынесъ изъ ихъ изученія, то это я дѣлаю исключительно потому, чтобы обратить вниманіе болѣе меня вооруженныхъ лицъ на личность человѣка, забвеніе котораго въ русскомъ обществѣ мнѣ кажется обиднымъ и незаслуженнымъ. Быть-можетъ, кто-нибудь, прочитавъ мой слабый трудъ, возьметъ на себя ознакомиться съ архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и дастъ тотъ очеркъ жизни и дѣятельности Магницкаго, въ которомъ такъ нуждается русское общество. Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность Сергѣю Владимировичу Орлову и Александру Ѳедоровичу Луговскому за ихъ любезное содѣйствіе при составленіи этой книги.

Глава I.

Характеристика времени и общества, когда жилъ Магницкій.

Магницкій жилъ на границѣ того вѣка, когда русская философская мысль, уставъ отъ религіозныхъ споровъ, съ особенной настойчивостью бросилась въ новую для нея область естествознанія и готовилась къ нарожденію всемірнаго гевія въ лицѣ Ломоносова. Въ теченіе всего XVIII-го вѣка мы видимъ рядъ русскихъ выдающихся ученыхъ въ области естествознанія, среди которыхъ можно отмѣтить, помимо академиковъ и профессоровъ Московскаго Университета, каковы: Лепехинъ, Германъ, Леманъ, Вельяминовъ, Зибелинъ и пр., такихъ ученыхъ, какъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ (1692—1766), который впервые наблюдалъ свѣточувствительность солей желѣза и изобрѣлъ особую желѣзную тинктуру (*tinctura tonico-nervina Bestoucheffi*); графъ Мусинъ-Пушкинъ (1760—1805), который впервые получилъ безцвѣтный прозрачный фосфоръ и при его помощи возстановилъ растворы угольной кислоты въ углеродъ, открылъ новыя соли платины (платино-хлористо-водородной) и подробно изслѣдовалъ хромъ, онъ же первый далъ способъ приготовленія вольфрамо-кислаго натра; Дмитрій Голицынъ изучалъ вліяніе газовъ на сѣмена, открылъ свойство фіолетоваго сибирскаго хлорофона (CaF_2) принимать при нагрѣваніи зеленый цвѣтъ, а при охлажденіи вновь переходить въ фіолетовый; графъ Разумовскій изучилъ синтетическое приготовленіе колчедана и открылъ минералъ, до сихъ поръ носящій его имя (*Rasoumoffski* *). Кромѣ аристократическихъ слоевъ, и средній классъ далъ знаменитыхъ химиковъ; такъ, Андрей Баташовъ (род. 1750) усовершенствовалъ металлургическую печь Реомюра, а Иванъ Ивановичъ Ползуновъ построилъ первую паровую машину для

*) Дневникъ 2-го Менделѣевского съѣзда, № 8, ст. 132. Докладъ г. Вальдски— „О развитіи химіи въ Россіи“.

вдуванія воздуха (1766) на Барнаульскомъ заводѣ *). Среди этихъ лицъ нельзя пройти молчаніемъ и перваго русскаго экономиста Ивана Тихоновича Посошкова, который, по авторитетному свидѣтельству г. Кизеветтера, впервые высказалъ такіа экономическія идеи, которыя являлись новостью даже для западно-европейской науки, а другія еще до сихъ поръ ждутъ своего окончательнаго признанія и практическаго осуществленія **). Вотъ передъ нами крѣпостной человѣкъ графа Шереметева, прибыльщикъ Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія. Вотъ мѣщанинъ Киприановъ, бібліотекаръ Московской навигацкой школы и издатель разныхъ книгъ. Вотъ простолюдинъ Иванъ Кирилловъ, первый составитель географическаго атласа Россіи.

Изъ этого краткаго перечня ученыхъ физиковъ и химиковъ, надъ которыми возвышается Михайло Ломоносовъ, опередившій свой вѣкъ почти на столѣтіе, а можетъ-быть, и больше, мы видимъ, что естественно-научная мысль занимала если и не господствующее мѣсто, то во всякомъ случаѣ очень видное мѣсто среди другихъ научныхъ теченій. Начало вѣка, тѣсно сливаясь съ концомъ предшествующаго столѣтія, ознаменовалось глубокими религіозными сомнѣніями и ожесточенными религіозными спорами. Исправленіе текста богослужебныхъ книгъ, сдѣланное по желанію царя Алексѣя Михайловича, глубоко и сильно взволновало русскую религіозную мысль; это волненіе было тѣмъ значительнѣе, что вновь исправленные книги вводились въ жизнь военной силой, при чемъ явилось много людей, пострадавшихъ за вѣру, за то, въ чемъ они видѣли высшее назначеніе своей жизни—спасеніе души. Споръ съ такъ называемыми раскольниками не имѣлъ исключительно церковнаго характера; это не мелочь буквы,—это борьба двухъ противоположныхъ міропониманій: старо-русскаго общественнаго и новаго—значеніе предержащей власти. Не даромъ Петръ считалъ раскольниковъ врагами государственнаго строя, политически неблагонадежными людьми; ихъ міропониманіе рѣзко противорѣчило той идеѣ, которая была скрыта подъ символомъ—исправленіе богослужебныхъ книгъ. Мнѣ всегда казалось страннымъ, почему наши ученые, вслѣдъ за правительственными агентами, обвиняли раскольниковъ въ приверженности къ буквѣ, къ обряду. Если это неважно, несущественно, то за что же было заставлять такъ страдать хотя того же Аввакума, боярыню Мо-

*) Модель машины хранится въ Барнаульскомъ горномъ музеѣ. См. Брандтъ—„Исторія первыхъ машинъ“. „Нива“ за 1913 г., № 19.

**) Иванъ Посошковъ. Книга о скудости и о богатствѣ. Предисловіе.

розову и др.? Въ этой борьбѣ произвола власти и искренняго религіознаго увлеченія вся симпатія непредубѣжденнаго читателя на сторонѣ гонимыхъ. Прочтите у Забѣлина біографію Морозовой, и вамъ станетъ ясно, что въ этомъ гоненіи, во всемъ томъ, что она испытала и претерпѣла, не было никакой религіозной идеи со стороны ея мучителей, а лишь одно желаніе заставить ее сдѣлать по-своему. Пусть она перекрестится тремя перстами по-православному—и все будетъ окончено. Развѣ въ этомъ требованіи есть догматическій смыслъ? Развѣ за крестъ по-раскольничьи можно человѣка заковать въ желѣзо, лишить всѣхъ удобствъ жизни и подвергнуть пыткамъ? Нѣтъ, тутъ дѣло не въ крестѣ, а въ иномъ: нужно было покориться власти царя, сдѣлать то, что онъ хочетъ, и такъ, какъ онъ хочетъ. Морозова не хотѣла исполнить этого и страдала не за вѣру, а за свое непокорство. Раскольники были не врагами церкви, а врагами государства, какъ понимали государство при Московскомъ дворѣ. Это хорошо сознавали и москвичи и вся Россія, а потому борьба и приняла столь ожесточенный характеръ, ибо здѣсь боролись два совершенно противоположныхъ міровоззрѣнія. Побѣда осталась на сторонѣ правящей власти, но эта власть потеряла въ глазахъ населенія свой ореолъ святости, защитницы религіи, а въ силу этого ослабѣли и самыя религіозныя основы. Религія и право потеряли въ глазахъ населенія свою внутреннюю цѣнность и получили значеніе лишь формы жизни, направляемой не божественными установленіями, а произволомъ власти имущихъ лицъ. Вотъ почему, когда схлынула первая волна остраго столкновенія двухъ теченій, когда первые борцы раскола покончили свои земные счета, и народилось новое поколѣніе, то среди рядовыхъ, почти индифферентныхъ наблюдателей жизни, возникло сразу два стремленія. Одно изъ нихъ можно характеризовать какъ критическій анализъ предметовъ вѣры, а другое—необходимость изученія наукъ, какъ пособіе къ этому анализу. Къ этому религіозному водовороту присоединился политическій: и было время, когда люди какъ бы теряли одновременно и вѣру въ Бога и уваженіе къ царской власти; когда Дмитрій Тверитиновъ отрицалъ св. таинства, а Иванъ и Аѳанасій Нарышкины примѣряли къ себѣ царскую порфиру. Геній Петра, авторитетъ его личности, особенно постѣ Полтавской побѣды, спасли государство и царскую власть; но разрушеніе стараго міровоззрѣнія какъ религіознаго, такъ и этическаго продолжалось непрерывно. Самымъ важнымъ въ этомъ отношеніи было то, что новое нравственное міровоззрѣніе, уничтожая авторитетъ традицій, вводило въ жизнь совершенно новое начало—значеніе

личности и ея авторитетъ, а отсюда, какъ естественное слѣдствіе, необходимо и обязательно вытекало презрѣніе къ лицамъ, ниже стоящимъ по ступенямъ общественной жизни. Самъ Петръ рѣзко порвалъ всякую связь со старымъ; старое онъ считалъ не только отжившимъ, но даже опаснымъ и вреднымъ, и въ то же время всѣ поступки Петра носятъ одинъ и тотъ же оттѣнокъ презрѣнія къ людямъ. Онъ не только не стѣсняется плюнуть въ лицо надоевшаго ему собесѣдника или ударить его, но подвергаетъ своихъ гостей временному аресту, ставя при дверяхъ стражу, во время веселаго пира. Онъ одинаково глумится какъ надъ религіозными, такъ и гражданскими формами быта, выдвигая на первый планъ свою личную волю, свое желаніе, свою мысль. Спускаясь ниже отъ главы государства, мы наблюдаемъ тотъ же общій характеръ взаимоотношеній правительственныхъ лицъ, доходящій до общепризнанной идеи „подлога рода людей“. Но тамъ, внизу, нельзя было разойтись во всю,—слишкомъ зорокъ былъ глазъ царя, и не всегда ему можно было угодить, проявляя личную волю, а потому дѣятельность всѣхъ подчиненныхъ лицъ сдерживалась въ нѣкоторыхъ предѣлахъ законности; но эта законность опиралась не на общія постановленія правительства, а исключительно на волю царя. Все это съ чрезвычайной ясностью выступаетъ въ дѣлѣ Дмитрія Тверитинова. Уже по самой сущности дѣла ясно, что оно должно подлежать разбору духовнаго суда, какъ ересь; однако, по предписанію царя, его разбираетъ Сенатъ, не допуская иногда даже блюстителя патріаршаго престола на свои засѣданія *). Въ этомъ фактѣ полное нарушеніе основныхъ, неотмѣненныхъ законовъ, однако, никто изъ дѣйствующихъ лицъ этого не отмѣчаетъ, но всѣ говорятъ лишь о волѣ царя, о его личныхъ приказаніяхъ и только. Вчитываясь въ самое дѣло, особенно въ то, какъ оно изложено Магницкимъ, ясно видно, какъ авторитетъ Петра господствовалъ надъ всей жизнью тогдашней Россіи, но это былъ авторитетъ личности, а не авторитетъ власти, однако, вмѣстѣ съ авторитетомъ, какъ его неизбежный спутникъ, господствовалъ и произволъ личности царя. Здѣсь я особенно подчеркиваю, что Петръ для своихъ современниковъ былъ авторитетомъ не какъ глава государства, а какъ личность, особо одаренная. Въ немъ сочетались и могущество власти и авторитетъ личности, и это послѣднее дѣлало его распоряженія особенно обязательными для лицъ, такъ или иначе съ нимъ соприкасающихся. Однако, въ толщѣ народныхъ массъ все же оставалось сомнѣніе, была возможность

*) Записки Л. Магницкаго по дѣлу Тверитинова, стр. 35.

критики, которая подрывала основы власти и заставляла искать новых обоснований, новых путей жизни. Новое не могло замѣнить старое безъ борьбы, тѣмъ болѣе ожесточенной, что произволъ всегда останется произволомъ, хотя бы онъ имѣлъ за собою царскій авторитетъ. Спорить съ Петромъ было опасно, порицаніе его жизни и дѣятельности грозило слишкомъ серьезными послѣдствіями, а потому весь вопросъ о новыхъ и старыхъ путяхъ жизни перешелъ въ область религіозныхъ вопросовъ, гдѣ престору было гораздо больше.

Здѣсь, въ области религіи, насколько можно судить по историческимъ даннымъ, дѣло началось среди высшихъ представителей духовной іерархіи по частному, чисто академическому вопросу о томъ, когда Св. Дары пресуществляются въ таинствѣ евхаристіи. Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ доказывали, что это происходитъ въ то время, когда священникъ говоритъ: „Пріимите и ядите“... Сторонники восточной церкви утверждали, что это происходитъ по молитвѣ къ Богу Отцу о ниспосланіи Св. Духа силою заслугъ Иисуса Христа.

Интересно отмѣтить, что въ верхнихъ слояхъ русскаго общества этотъ чисто академическій вопросъ вновь перешелъ на личную почву. Когда-то самъ патріархъ держался того же мнѣнія, какъ и его противники *); очевидно, что дѣло было не въ томъ, когда именно пресуществляются Св. Дары, а въ томъ, за кѣмъ останется политическая побѣда, кто будетъ руководить вопросами жизни. Г. Пыпинъ справедливо отмѣчаетъ, что сущность спора была въ томъ, кто останется наверху—греческая ли партія или новое, логическое направленіе.

Этотъ чисто академическій богословскій споръ перешелъ въ народныя массы, гдѣ также стали горячо обсуждать время пресуществленія. Причиной этого была не важность самаго вопроса, а та аргументація, къ которой прибѣгали несогласныя другъ съ другомъ лица. Въ этой аргументаціи, съ одной стороны, выдвигали важность преданія (бр. Лихуды, патріархъ Іоакимъ, инокъ Евѣимій), а съ другой—научную обоснованность, которая опиралась на ученія богословскія сочиненія Запада и на философію Аристотеля.

Такимъ образомъ, какъ и въ вопросѣ раскола, споръ вышелъ за предѣлы своей основной темы и перешелъ въ ту область, гдѣ онъ былъ интересенъ по существу и важенъ не потому, что онъ выяснялъ время пресуществленія, а потому, что онъ затрагивалъ

*) Пыпинъ. „Исторія русск. лит.“. II, стр. 369.

основные вопросы народнаго міропониманія, онъ разрушалъ то, что до сихъ поръ служило основой русской жизни, что считалось неизблемымъ, на что опирались въ случаѣ выясненія какихъ-либо религіозныхъ сомнѣній. Правительство усмотрѣло въ книгахъ Медвѣдева подрывъ правой вѣрѣ, потрясеніе основъ русской жизни, и это было вѣрно; но оно забыло, что этотъ подрывъ старымъ устоямъ даетъ сама жизнь, что онъ разлитъ въ мельчайшихъ проявленіяхъ жизни, а сочиненія Сильвестра есть только констатированіе факта. Уничтожая сочиненія, люди закрывали для себя возможность поставить правильный діагнозъ заболѣванія и, проявляя ненужную жестокость надъ личностью, тѣмъ самымъ способствовали распространенію и укрѣпленію его міровоззрѣнія.

Я уже говорилъ, что споръ перешелъ изъ академическихъ сферъ въ народныя массы: „не только мужіе, но и жены и дѣти“, вездѣ, гдѣ случится, „на пиршествахъ, на торжествахъ въ яковомъ-либо мѣстѣ, временно и безвременно“ толковали о „тайнствѣ таинствъ... какъ пресуществляется хлѣбъ и вино и въ кое время и кѣмъ словесы“. Интересно, какъ происходили эти споры, какими аргументами спорщики подкрѣпляли свое доказательство. Г. Милюковъ говоритъ, что здѣсь „старина защищалась аргументами западнаго богословія“*). Это — очень мѣткое выраженіе, характеризующее полемическіе приемы людей противоположныхъ мнѣній, что особенно видно опять-таки изъ дѣла Тверитинова, которое позволяетъ еще глубже проникнуть въ сущность того общественнаго настроенія, какое было въ московскомъ обществѣ въ разсматриваемое время.

Но прежде, чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію диспутовъ, необходимо разсмотрѣть самую ересь, такъ какъ она проливаетъ яркій свѣтъ на умственное броженіе и ту среду, въ которой это броженіе происходило. Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ по своему происхожденію былъ чернослободцемъ г. Твери, гдѣ его фамилія была Дерюжкинъ или Дерюшкинъ. Прозвище Тверитинова онъ, вѣроятно, получилъ во время своего ученія. Согласно его показанію, онъ участвовалъ въ первомъ Азовскомъ походѣ въ качествѣ аптекарскаго ученика при иноземныхъ лѣкаряхъ Иванѣ Термантѣ и Оѣлимонѣ Геникѣ, очевидно, молодымъ человѣкомъ. Пройдя подъ ихъ руководствомъ лѣкарскую науку, онъ вернулся въ Москву, гдѣ и занялся врачебной практикой. Здѣсь онъ женился на дочери купца Алексѣя Якимовича Олесева Ксеніи и поселился въ приходѣ Спаса-Преображенія, что на Глинищахъ.

*) Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Ч. II, стр. 165.

Эти біографическія данныя позволяютъ установить время тѣхъ сомнѣній, которыя возникли у Дмитрія, очевидно, отчасти въ походѣ при общеніи съ иноземными врагами, а отчасти уже въ Москвѣ при участіи въ ожесточенныхъ спорахъ о пресуществленіи Св. Даровъ. Дѣло въ томъ, что тесть его Алексѣй Якимовичъ говорилъ своему сыну, будущему иноку Пафнутію, который только-что вернулся изъ Соловецкаго монастыря, что въ его отсутствіе онъ выдалъ свою дочь замужъ „за нѣмчина не природнаго, но вѣроу, понеже-де Лютерская разумнѣія глаголетъ истинна быти, наша же святая Церкви разумнѣія уничтожаетъ“. Въ то же время приходскій попъ ц. Спаса, Потапій, говоритъ, что онъ не замѣтилъ въ Дмитріи никакихъ противностей святой Церкви, что Дмитрій бывалъ у него на исповѣди, но только не причащался св. Таинъ; но что онъ ходилъ къ нему въ домъ совершать молебное пѣніе и „со всякими потребами“. Въ домѣ онъ видѣлъ картину, на которой по черному фону была написана золотыми буквами первая заповѣдь вгорыхъ книгъ Моисеевыхъ: „Азъ есмь Господь Богъ твой и т. д.“.

Такимъ образомъ, очевидно, что Дмитрій вернулся изъ похода уже полнымъ религіозныхъ сомнѣній, о которыхъ онъ говоритъ въ кругу близкихъ ему людей, но эти люди смотрѣли на эти сомнѣнія, какъ на нѣчто любопытное, но не опасное; они съ нимъ внутренне не соглашались, но не могли и его убѣдить въ справедливости своей вѣры. Здѣсь любопытно то, что Олесовъ не побоялся отдать свою дочь за Дмитрія, хотя характеризовалъ его какъ еретика.

Чтобы понять это, надо вспомнить, что мы имѣемъ не совсѣмъ вѣрное представленіе о людяхъ того времени. Жители Москвы далеко не были столь православными, какъ это рисуется намъ при изученіи исторіи. Здѣсь возникали крупныя религіозныя вопросы и крупныя сомнѣнія хотя бы по тому же вопросу о почитаніи иконъ. Еще въ 1651 году отмѣчено дѣло Ѳедора Шиловцева, который говоритъ, что не слѣдуетъ поклоняться св. иконамъ: „всякому чело-вѣчу можно Бога умными очами видѣть“ *).

Любопытно и дальше. Будущій инокъ Пафнутіи, какъ онъ говоритъ, не былъ въ состояніи опровергнуть слова Дмитрія и вначалѣ ему уступалъ. Причиной такой уступчивости, какъ онъ говоритъ, было его невѣжество; это невѣжество особенно ярко проявилось потому, что Дмитрій выписалъ изъ Библии цѣлую тетрадь различныхъ текстовъ, очевидно, изучивъ вопросъ подъ влияніемъ разговоровъ съ иноземцами. Тогда Пафнутіи самъ засѣлъ за изученіе Библии и составилъ книгу „Рожнецъ Духовный“, опровергающую доводы сво-

*) Соловьевъ. Т. XIII, стр. 757.

его ширина. Такимъ образомъ, новыя мысли вынуждали разныхъ лицъ заняться изученіемъ св. писанія. Но не одно только св. писаніе нужно было изучить, но нѣчто большее; для изученія этого большаго необходимо было знаніе латинскаго языка, и вотъ торговый человѣкъ овощного ряда Никита Мартыновъ застѣлъ за латынь. Вначалѣ онъ кое-что выучилъ самоучкой, а потомъ прибѣгъ къ помощи Ивана Максимова, ученика славяно-греко-латинской академіи. Все это рисуетъ намъ яркую картину того, какъ средніе люди на переломѣ ХVІІ и ХVІІІ вѣковъ старались уяснить себѣ волновавшіе общество вопросы, и какъ при рѣшеніи ихъ приходили къ необходимости все большаго и большаго знанія. Они стремились къ этому знанію, искали его; они не только читали все то, что можно было достать, но и бесѣдовали съ тѣми, кто больше ихъ зналъ. Такъ, самъ Дмитрій, стремясь провѣрить свои сомнѣнія, очевидно, не переставалъ учиться и стремился познакомиться съ выдающимися богословами того времени. Съ этой цѣлью онъ познакомился съ бывшимъ префектомъ славяно-латинской школы учителемъ философіи Стефаномъ Прибыловскимъ, у котораго встрѣтилъ его сожителя, префекта іеромонаха Гавріила, видѣлся съ Теофилактомъ Лопатинскимъ и велъ съ ними бесѣду на ту же тему. Все это было задолго, почти за 7 лѣтъ до возникновенія самаго дѣла, и, очевидно, всѣ эти разговоры разсматривались, какъ ученые академическіе диспуты, на чемъ очень настаивалъ Тверитиновъ при своихъ показаніяхъ въ Сенатѣ, да и свидѣтели говорили, что, возбуждая споръ, Дмитрій всегда оговаривался, что онъ является якобы только представителемъ того, что говорятъ лютеране. Такъ говорили обвинители, и можно думать, истина была на сторонѣ Тверитинова, такъ какъ самъ онъ и всѣ другіе участники споровъ, бывшіе на сторонѣ Тверитинова, легко отказывались отъ своихъ взглядовъ, и можно думать, что ихъ собственно интересовалъ не вопросъ вѣры, а вопросъ чистаго знанія: просто имъ хотѣлось уяснить, какъ съ точки зрѣнія научной обоснованности можно разсмотрѣть эти вопросы. Если мы учтемъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ противники проявили гораздо больше настойчивости въ обвиненіи, чѣмъ справедливости, то, можно думать, что, дѣйствительно, весь споръ имѣлъ чисто академическій характеръ.

Само дѣло интересно не по своей темѣ, а по тѣмъ подробностямъ, какія мы въ немъ наблюдаемъ; здѣсь ясно видно, какъ религиозныя сомнѣнія приводили къ необходимости знанія, къ необходимости знакомства съ литературой вопроса, которая, съ одной стороны, уходила въ изученіе св. писанія и отцовъ церкви, а съ другой—въ область философіи; философія приводила къ есте-

ствознанію. Такъ мало-по-малу религіозныя темы привели людей къ вопросамъ изученія природы и ея явленій. Впослѣдствіи мы еще встрѣтимся съ Тверитиновымъ, когда будемъ говорить о личности Магницкаго, а теперь я позволю себѣ дополнить картину московской жизни еще одной подробностью. Надо сказать, что въ прежнее время, когда еще Неглинка не была засыпана, со стороны Красной площади, гдѣ находятся Торговые ряды и церковь Василия Блаженнаго, вокругъ Кремля шелъ глубокій и широкій ровъ; черезъ этотъ ровъ отъ воротъ были устроены мосты, въ родѣ того, который въ настоящее время идетъ отъ Троицкихъ воротъ къ Манежу. На томъ мосту, который шелъ отъ Спасскихъ воротъ и назывался „Спасскимъ мостомъ“, находились по бокамъ книжныя лавки. Въ концѣ лавокъ на правой сторонѣ, идя отъ Спасскихъ воротъ, въ разстояніи сажень 15 отъ самихъ воротъ, было обширное зданіе въ два этажа съ хорами въ 5 сажень въ квадратѣ, которое называлось „Библіотека“. Это зданіе помѣчено на планѣ 1729 года и на глазомѣрномъ планѣ 1738 года*). Не-вдалекѣ отъ этого книжнаго рынка находился знаменитый „Спас-скій Крестецъ“, гдѣ собирались безработные священники и предлагали свои услуги, когда нужно было замѣнить кого-либо изъ священниковъ или совершить службу въ домашней церкви.

На этомъ книжномъ рынкѣ продавались рукописи, написанныя грамотными людьми, какъ священнаго писанія, такъ и свѣтскаго, а иногда даже довольно неприличныя. Это послѣднее показываетъ, насколько вообще былъ слабъ надзоръ за этой торговлей, которая главнымъ образомъ имѣла въ виду интересы широкой публики. Впослѣдствіи здѣсь же продавались и печатныя книги какъ богослужебныя, такъ и иного содержанія; здѣсь же продавались и картины, которыя впослѣдствіи готовились рыночными торговцами путемъ вырѣзанія на доскахъ, а потому назывались лубочными. Вначалѣ торговля на рынкѣ была совершенно свободна; здѣсь всегда можно было достать какъ богослужебную книгу для нуждъ церкви, такъ и какую-нибудь рукопись — „Хожденіе попа Саввы большой славы“ или „Службу Кабаку“, повѣсти изъ Великаго Зеркала и изъ Римскихъ Дѣй и пр. Но когда вопросъ о расколѣ всколыхнулъ высшіе круги церковнаго и политическаго правительства, то возникъ вопросъ объ ограниченіи права торговли книгами на Спасскомъ мосту. Соборъ 1661 г. мотивировалъ свое запрещеніе такъ: „На Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадѣхъ и на листахъ и въ столбцахъ выписки, именуя изъ книгъ Божественнаго писа-

*) Забѣлинъ. „Исторія гор. Москвы“, стр. 644.

нія, и продають у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя Святѣй Церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, приѣмлютъ себѣ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, *паче же вырастаетъ изъ того на Святую Церковь противленіе*“. Въ этой мотивировкѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что она указываетъ, для кого служилъ этотъ книжный рынокъ: здѣсь покупали книги „простолюдины“, которые, значитъ, интересовались книгой, любили ее и тратили свои деньги на ея приобрѣтеніе; затѣмъ книги писались людьми „всякихъ чиновъ“, т.-е. любовь къ книгѣ среди простыхъ обывателей города Москвы и приѣзжихъ была настолько велика, что составилъ особый промыслъ, къ жизни былъ вызванъ особый классъ тружениковъ или, лучше сказать, особый видъ труда—переписка книгъ и ихъ составленіе. Все это терпѣлось въ Москвѣ и, можетъ-быть, поощрялось. Не даромъ „Стоглавъ“ съ грустью вспоминаетъ: „А преже сего училища бывали въ российскомъ царствіи на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ, и во иныхъ градомъ многіе грамотѣ писати, и пѣти, и чести учили“*). Но теперь времена перемѣнились, теперь опасно безъ контроля оставить книжное дѣло, такъ какъ между правительствомъ и обществомъ всталъ расколъ, и оно можетъ повести къ распространенію нежелательныхъ идей. Поэтому были назначены два пристава, одинъ отъ Государя изъ свѣтскихъ, другой отъ патріарха изъ духовныхъ, которые должны были слѣдить за торговлей книгами и забирать тѣхъ, у кого найдутъ лживыя писанія, приводить ихъ въ Патріаршій приказъ, гдѣ ожидало ихъ смиреніе по винѣ смотря.

Но вскорѣ явилась и другого рода опасность. До свѣдѣнія патріарха Іоакима дошло, что многіе торговые люди печатаютъ на бумажныхъ листахъ изображенія Іисуса Христа, Богородицы и св. угодниковъ, которые „ни малаго подобія первообразныхъ лицъ являютъ“, только укоръ и безчиніе наносятъ церкви и иконному почитанію. Такими изображеніями обыватели украшаютъ стѣны своихъ жилищъ, какъ картинами, и тѣмъ умаляютъ значеніе св. иконъ. Кромѣ того, торговые люди покупаютъ также бумажные нѣмецкіе печатные листы, на которыхъ еретики-нѣмцы изображаютъ Спасителя наподобіе лицъ своей страны и въ одеждахъ своестранныхъ, нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, которые обрѣтаются у православныхъ. Вслѣдствіе всего этого падаетъ почитаніе св. иконъ, на что патріархъ обращаетъ вниманіе великихъ государей. Это распоряженіе было подтверждено сино-

*) „Стоглавъ“, глава 25.

домъ въ 1721 году. Однако, несмотря на это, листы печатались самовольно даже во второй половинѣ 18 столѣтія.

Книжный рынокъ, такимъ образомъ, откликался на всѣ событія русской жизни; такъ, въ 1766 году онъ произвелъ въ святыя митрополита Ростовскаго Дмитрія раньше его канонизаціи Св. Синодомъ. Въ 1742 году академикъ Штелинь нашелъ у Спасскихъ воротъ „омерзительно великолѣпную“ гравюру, изображающую портретъ Императрицы Екатерины II. „Итакъ, Спасскій мостъ въ старой Москвѣ“, говоритъ Забѣлинъ, „былъ основателемъ и распространителемъ той литературы, которую не безъ основанія можно назвать *простонародной* и въ церковничьихъ и въ свѣтскихъ ея произведеніяхъ. Толпа безвѣстныхъ поповъ, собиравшаяся у Спасскихъ воротъ, поспособствовала своей грамотностью завести здѣсь торгъ письменами и листами. По всему вѣроятію, сначала торгъ этотъ былъ *походячій*, т.-е. въ разноску, а потомъ, несомнѣнно, появились лавочки, скамьи и столы, гдѣ продавались писанныя тетради, листы, столбцы“. На этотъ рынокъ приходилъ московскій обыватель и выискивалъ для себя подходящій матеріалъ.

Если мы нѣсколько расширимъ предположеніе г-на Забѣлина, то, можетъ-быть, естественно предположить, что среди этого матеріала находились и математическія рукописи по ариметикѣ и землемѣрію, находились иностранныя книги какъ древнихъ писателей греческихъ и римскихъ, такъ и современныхъ польскихъ и нѣмецкихъ, то мы получимъ представленіе, что на рынкѣ у Спасскихъ воротъ можно было достать все то, что нужно было среднему обывателю города Москвы и провинціи. А мы уже видѣли, что этотъ средній обыватель въ рассматриваемое время имѣлъ большіе и строго научные запросы. Конечно, мнѣ скажутъ, что такая картина московской жизни XVII и XVIII столѣтій есть плодъ чистой фантазіи, и я не въ состояніи буду эту фантазію подкрѣпить фактами; но укажу лишь на то, что Россія готовилась создать мірового генія, а міровой геній немислимъ на пустомъ мѣстѣ. Кромѣ того, и это фактъ: изъ вышеприведенныхъ распоряженій патріарха Іоакима и Св. Синода слѣдуетъ, что книжный рынокъ у Спасскихъ воротъ живо откликался на запросы обывательской жизни и прислушивался къ этимъ запросамъ. Онъ печатаетъ бумажные образа въ видѣ картинъ для украшенія стѣнъ, не брезгаетъ и иноземными изданіями; онъ печатаетъ житіе и чудеса Дмитрія Ростовскаго раньше его канонизаціи, очевидно, потому, что на это былъ спросъ на рынкѣ; наконецъ, онъ печатаетъ портретъ императрицы въ то время, когда вверху и не думали о распространеніи въ народѣ изображеній царствующихъ лицъ.

Обо всемъ этомъ мы знаемъ потому, что здѣсь рынокъ нарушилъ то или иное постановленіе, и возникло дѣло; но дѣло не могло возникнуть, когда на рынкѣ появились сочиненія Гюйгенса или Ньютона, собраніе сочиненій Тита Ливія, а потому мы и не можемъ знать объ ихъ существованіи. Правда, что такія сочиненія не были нужны массѣ простолюдиновъ, нужды которыхъ главнымъ образомъ и обслуживалъ рынокъ, но здѣсь могли быть въ продажѣ отдѣльные экземпляры и списки всевозможной литературы, которые могли попасть на Спасскій книжный рынокъ такъ же, какъ рѣдкіе и дорогіе экземпляры попадаютъ на торгъ при Сухаревой башнѣ. Когда былъ разоренъ дворъ боярина Морозова, то его библіотека легко могла попасть на рынокъ; смутное время могло нанести съ собою множество самыхъ разнообразныхъ книгъ; эти книги могли быть и у пріѣзжихъ иностранцевъ и по разнымъ житейскимъ обстоятельствамъ могли попасть къ Спасскимъ воротамъ. Тогда моя картина уже не дѣлается вполнѣ фантастической, и я могу дополнить ее еще новой подробностью. То зданіе, которое на планѣ 1729 помѣчено словомъ „библіотека“, и которое г. Забѣлинъ считаетъ книжной лавкой или издательской фирмой, это зданіе могло имѣть значеніе современной библіотеки. Я думаю, что здѣсь обыватели знакомились съ книжнымъ товаромъ и прочитывали незнакомыя имъ книги прежде, чѣмъ ихъ приобрести. Такое предположеніе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе г. Забѣлина. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ среди книжныхъ лавокъ нужно было особое учрежденіе съ особымъ названіемъ? Единственное, что могло быть, это то, что часто покупатель хотѣлъ прежде ознакомиться съ тѣмъ, что онъ покупалъ; сдѣлать это въ самой лавкѣ было не всегда удобно, да и рискованно для продавца, а потому, быть-можетъ, въ складчину они и рѣшили выстроить особое помѣщеніе, гдѣ читатели находились подъ надзоромъ и наблюденіемъ.

Сводя въ одно все вышеизложенное, мы видимъ изъ дѣлъ Тверитинова, что средній обыватель г. Москвы стремился къ знанію не только религіозному, но и философскому, что это свое стремленіе онъ удовлетворялъ бесѣдой съ учеными людьми и чтеніемъ. Въ Москвѣ можно указать и мѣсто, гдѣ приобретались книги, но, къ сожалѣнію, трудно указать, какія книги были въ продажѣ. Однако, косвенное доказательство даетъ возможность предположить, что на торгу у Спасскихъ воротъ были не одни сказки и житія святыхъ, но также и книги философскаго, историческаго и математическаго содержанія. Такія лица, какъ бояринъ Морозовъ, имѣли въ своей библіотекѣ творенія великихъ мыслителей Запада, а среди нихъ и математическія книги. Такія книги могли имѣть

и многія другія лица, а потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онѣ попадали и къ Спасскимъ воротамъ, гдѣ любители ихъ покупали и изучали. Къ такимъ любителямъ, несомнѣнно, принадлежалъ и Магницкій.

Такова была Москва и тотъ средній классъ московскаго населенія, къ которому принадлежалъ Магницкій. Чтобы полнѣе выяснить не только тотъ фонъ, но и ту среду, гдѣ онъ воспитался, выросъ и жилъ, необходимо еще сказать нѣсколько словъ о славяно-греко-латинской академіи, къ возникновенію которой мы и перейдемъ.

Глава II.

Славяно-греко-латинская академія въ первый періодъ ея существованія (1685—1700).

Изъ того факта, что торговецъ Охотнаго ряда Никита Мартыновъ при размышленіи о вѣрѣ и сущности жизни рѣшилъ самоучкой выучиться латинскому языку; что въ цырюльнѣ Ѳомы Твєритинова собирался кружокъ любителей, спорившихъ о текстахъ св. писанія по всѣмъ правиламъ риторики.—изъ всего изъ этого можно видѣть, что среди московскихъ обывателей было много желающихъ изучать латинскій языкъ и западную философію, на немъ написанную. Въ это время мы знаемъ многихъ изъ Кіева и изъ Москвы, которые ѣздили за границу, поступали въ тамошнія іезуитскія школы и, изучивъ западную науку, возвращались къ себѣ на службу государству. Таковы были Ѳеофанъ Прокоповичъ, кн. Куракинъ, какой-то неизвѣстный, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи (1697—98) и оставилъ свой дневникъ, Шереметевы, Лонухинъ и пр. *).

Въ силу всего этого намъ становится ясно, что учрежденіемъ высшей школы правительство только отвѣтило на потребности населенія и притомъ нѣсколько запоздало со своимъ отвѣтомъ, такъ какъ еще въ 1668 году кружокъ москвичей подалъ царю челобитную о дозволеніи построить училище въ приходѣ Іоанна Богослова. Царь согласился; патріархи восточные и московскій Іоасафъ дали просителямъ грамоты на заведеніе училища славяно-греко-латинскаго и выражали радость, что нашлись любители про-

*) См. Устряновъ. „Исторія Петра“. В. II, стр. 316.

свѣщенія, и даже угрожали проклятіемъ врагамъ науки *). Однако, относительно школы неизвѣстно, была ли она открыта **). Это было еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича при неутраченной борьбѣ со сторонниками раскола, которые, съ точки зрѣнія придворныхъ сторонниковъ исправленія книгъ, были невѣждами и не понимали всей пользы предпринятаго дѣла. Но дни шли за днями, и правительство не удосуживалось заняться такимъ маленькимъ дѣломъ, какъ организація высшей школы. Царь Алексѣй померъ; при его наслѣдникѣ Ѳеодорѣ пришелъ въ Москву нѣкто іеромонахъ Тимоѳей и разсказалъ царю о томъ, какія бѣдствія терпитъ греческая церковь на востокѣ; среди этихъ бѣдствій есть и то, что нѣтъ и нельзя завести прочной, хорошей школы; онъ высказалъ мысль, что хорошо бы завести такую школу въ Москвѣ, которая могла бы стать въ уровень со школами Запада, и тѣмъ помочь православной церкви въ ея борьбѣ съ латинствомъ. Царь сочувственно отнесся къ этой идеѣ. „Выслушавъ трогательный разсказъ іеромонаха Тимоѳея“, говоритъ Поликарповъ, „царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ умилился сердцемъ и просилъ патріарха Іоакима учредить въ Москвѣ греческое училище. Патріархъ съ радостью спѣшитъ исполнить желаніе царя: взялъ къ себѣ Тимоѳея въ крестовые іеромонахи, назначилъ для помѣщенія училища три верхнія палаты въ типографіи и набралъ изъ разныхъ сословій до 30 учениковъ. Тимоѳей опредѣленъ ректоромъ училища, а учить греческому языку поручено жившему въ Москвѣ греку Мануилу Левендатову. Нельзя описать усердія царя и патріарха къ училищу: то оба они, то порознь, и явно и тайно, едва не каждую недѣлю приходили въ училище утѣшаться духомъ о новомъ и неслыханномъ дѣлѣ, и щедро награждали учениковъ и одеждою и деньгами“. Это было въ 1679 году.

Изъ этого мы видимъ, что нужды и потребности московскаго населенія были чужды московскому двору; но его прельщала мысль оказать нравственную поддержку греческой церкви и стать такимъ образомъ во главѣ этой церкви, явиться столпомъ православія. Но школа, предназначенная не для мѣстныхъ нуждъ страны, а для всей вселенской православной церкви, не была жизненнымъ явленіемъ; это была безплотная идея, которая могла вызвать привѣтственный энтузіазмъ, но не практическое выполненіе. Новой идеей заинтересовались восточные патріархи, которые прислали въ Москву привѣтствія, въ которыхъ было сказано много

*) Смирновъ. „Исторія славяно-греческо-латинской академіи“, стр. 7. Письмо „Исторія рос. іерарх.“. I, стр. 420.

**) Ключевскій. „Курсъ русск. истор.“. III, стр. 360.

лестныхъ словъ по адресу царя, но все это мало помогало самому дѣлу. Чтобы оживить самое дѣло, воспользовались посольствомъ Чирикова и Возницына къ турецкому султану и кстати поручили посламъ обратиться къ патріархамъ греческому, антиохійскому и александрійскому рекомендовать наиболѣе достойныхъ руководителей для новаго дѣла. Но чтобы это новое дѣло было прочнымъ, необходимы, кромѣ учителей, еще и организація, т.-е. составленіе устава и средства. Можно думать, что объ этомъ много подумалъ бывшій учитель царя Симеонъ Полоцкій; онъ, вѣроятно, тогда же въ 1679 году написалъ проектъ устава, вѣрнѣе говоря, царскій манифестъ, объ открытіи академіи. Этотъ манифестъ извѣстенъ подъ именемъ грамоты царя Θεодора, подписанной имъ уже послѣ смерти Полоцкаго въ 1682 году, очевидно, еще до своей смерти. Однако, грамота не была тогда обнародована; потомъ ученикъ и почитатель Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ вновь предложилъ ее утвердить царевнѣ Софьѣ въ 1685 году, предполагая занять мѣсто высшаго руководителя школы, но въ силу противодействія патріарха грамота не была утверждена. Въ это время пріѣхали братья Лихуды, которые были рекомендованы патріархами, и имъ предложено было по необходимости взять на себя устройство и всю организацію школы.

Такимъ образомъ, я думаю, что случайное обстоятельство—пріѣздъ Лихудовъ, какъ бы специально вызванныхъ въ учрежденіе, проектъ котораго надѣлалъ столько шума, побудило московское правительство открыть школу, т.-е., вѣрнѣе говоря, предоставить пріѣзжимъ грекамъ возможность организовать дѣло школьнаго обученія. На этотъ благоприятный оборотъ дѣла немалое вліяніе оказало и то, что, по донесенію патріарховъ, фамилія Лихудовъ принадлежала къ числу знатныхъ родовъ Византіи, и было совершенно неудобно отказать имъ въ томъ, на что ихъ приглашали. Объ этомъ можно думать потому, что впослѣдствіи патріархъ Досіеѣй потратилъ много краснорѣчія, чтобы убѣдить московское правительство въ престопадномъ происхожденіи Лихудовъ; а то, что правительство далеко не видѣло въ нихъ наставниковъ и учителей школы, видно изъ того, что Іоанникій Лихудъ былъ отпущенъ въ Венецію для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, гдѣ получилъ специальную миссію и пробылъ тамъ достаточно долго. Да и сами патріархи смотрѣли на Лихудовъ не какъ на учителей столь важной школы, а какъ на лицъ, могущихъ имъ оказать матеріальную поддержку на средства московскаго правительства, что видно изъ той кровной обиды, которую испыталъ Досіеѣй при отказѣ Лихудовъ помочь его племяннику Хрисанфу въ сборѣ денегъ

на нужды гроба Господня. Все это ясно показываетъ, что ни московское правительство, ни восточные патріархи, ни сами Лихуды совершенно не думали о школѣ, которая была только удобнымъ предлогомъ для достиженія иныхъ, постороннихъ цѣлей, очень мало имѣющихъ чего-либо общаго съ образованіемъ. Насколько мало готово было московское правительство, видно изъ того, что не было даже помѣщенія для школы. По пріѣздѣ Лихудовъ ихъ помѣстили въ Никольскомъ греческомъ монастырѣ и назначили жалованье по двѣ гривны въ день. Если мы примемъ расцѣнку рубля В. О. Ключевского, то въ то время рубль равнялся приблизительно 17 нынѣшнимъ, значить, Лихуды получали въ день по 3 руб. 40 к. Они остались недовольны ни помѣщеніемъ, ни жалованьемъ и просили измѣнить и то и другое. Тогда ихъ перевели въ Чудовъ монастырь и дали келью, гдѣ жилъ „словесности писанія учитель“ Аѳанасій. На содержаніе велѣли отпускать изъ монастырскихъ средствъ пищу и питіе противъ четырехъ братій того монастыря и положили изъ казны по 45 копеекъ на день. Но и здѣсь Лихуды не остались довольны помѣщеніемъ, и тогда имъ предложено было выстроить особое помѣщеніе въ Богоявленскомъ монастырѣ, куда они и переселились 31 марта 1785 года. Имъ оставлено было положенное жалованье по 45 коп., или 7 р. 65 к. въ день на нынѣшнія деньги, но пищи натурой они не получали.

Изъ этого ясно видно, что въ Москвѣ мало думали о новой школѣ, да, говоря по правдѣ, и некогда и некому было о ней думать. У правительства было слишкомъ много своего и слишкомъ важнаго дѣла, чтобы думать еще о проектѣ царя Ѳедора. Однако, есть вещи и есть положенія, которыя обязываютъ лицъ, принявшихъ въ нихъ участіе, продолжить начатое дѣло. Школьное дѣло было настолько назрѣвшимъ вопросомъ, что бросить его было нельзя, да и Лихуды, получившіе въ Москвѣ титулъ „князей Булгарскихъ“, который былъ слишкомъ важенъ для ихъ потомства, не хотѣли и не могли покинуть государство, такъ дружественно ихъ принявшее. Такъ возникла славяно-греко-латинская академія, которая просуществовала болѣе 130 лѣтъ и дала для Россіи много выдающихся дѣятелей по самымъ разнообразнымъ специальностямъ. Почти за все время своего существованія она не имѣла устава и жила какъ бы милостивымъ вниманіемъ различныхъ случайныхъ лицъ. Но если правительство не заботилось о столь важномъ учрежденіи, то среди общества всегда находились безкорыстные труженики, которые и дали академіи то высокое положеніе, котораго она скоро достигла и которое сохранила за все время своего долгаго существованія. Хотя въ качествѣ законодательнаго акта гра-

мота царя Ѳедора и не имѣть значенія, и въ жизни академіи она почти не играла никакой роли, но она ярко рисуетъ тѣ общіе принципы, собственно тѣ теоретическія точки зрѣнія, которыя, съ одной стороны, были настолько всеобщі, что вошли въ жизнь академіи, а съ другой—показываютъ, что думали и на что рассчитывали тѣ, кто увлекся такой школой *). Разсматривая эту грамоту, можно вновь увидеть, какъ мало думали при дворѣ о нуждахъ московскаго населенія и какъ мало знали духовные запросы этого населенія. Въ основу было положено то, что можно было наблюдать въ западныхъ университетахъ; таковъ былъ курсъ наукъ: здѣсь преподавалась грамматика, піитика, реторика, діалектика, философія „разумительная“ (умозрительная), естественная (физика) и богословіе созерцательное (учащее вещей божественныхъ) и дѣятельное (учащее совѣсти очищенія); къ нимъ присоединяются право церковное и гражданское и прочія свободныя науки. Ученики и учителя освобождались отъ свѣтскаго суда, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, и подчинялись суду академіи. Оба эти положенія взяты съ уставовъ западныхъ университетовъ и высшихъ школъ; но къ нимъ было прибавлено еще новое, которое потомъ вошло надолго въ жизнь школы, а именно: учителя академіи могли поступать на царскую службу при особой рекомендаціи ректора, а за долгую и полезную службу при академіи проектировалась особая пенсія отъ щедротъ царскихъ. Этотъ пунктъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что правительство и, въ частности, составитель проекта не рассчитывалъ на русскихъ учителей и думалъ, что при помощи новаго учрежденія можно привлечь на русскую государственную службу наиболѣе достойныхъ иностранцевъ. Ученики же, съ успѣхомъ прошедшіе курсъ школы, получали чины и причислялись къ благородному сословію; но и въ теченіе учебнаго курса они, по заявленію ректора, могли получать награды отъ государя за особое прилежаніе и успѣхи. Эта мысль, возникшая столь рано, была положена впоследствии въ основу гимназій, а въ разсматриваемую эпоху она какъ будто была совершенно лишена практическаго значенія; но она любопытна въ связи съ другимъ положеніемъ проекта, что въ академію могли быть принимаемы ученики изъ всѣхъ сословій, только православнаго вѣроисповѣданія. При этомъ запрещалось учиться дома у иностранныхъ учителей безъ разрѣшенія ректора академіи. Этотъ пунктъ показываетъ, что въ проектѣ школа не представля-

*) Грамота напечатана въ древн. Рос. Вивл., ч. VI и въ истор. іерарч. I, стр. 515.

лась ни сословной, ни специальной духовной. Здѣсь могли учиться дѣти людей всякаго званія и по окончаніи курса получить право перехода въ высшія классы общества; но въ то же время ограничивалось право богатыхъ пользоваться услугами иностранныхъ учителей. Последнее ограниченіе было, конечно, платоническимъ уже по тому одному, что услугами такихъ учителей могли пользоваться лишь столь вліятельныя лица, что возбужденіе какого-либо дѣла по отношенію къ нимъ ректоромъ академіи грозило ему самому самыми дурными послѣдствіями. Но первое положеніе какъ будто вошло въ жизнь. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству г. Милюкова *), въ 1687 году академія имѣла 99 учениковъ, изъ которыхъ 23 находились въ приготовительной „школѣ словеснаго и книжнаго письма“, а 76 человѣкъ были распределены: между „нижней школой“ (греческаго книжнаго письма) 27 челов., „средними школами“ (грамматичниками) 35 человѣкъ и „верхними школами второй статьи“ (реторики) 9 человѣкъ и „верхними школами первой статьи“ 5 челов. Эти ученики по своему происхожденію принадлежали къ духовенству: священники, іеродіаконы, монахи; къ высшимъ сословіямъ: князья, спальники, стольники и „всякаго чина москвичи“—вплоть до челядинцевъ и сына конюха. Это обстоятельство полезно отмѣтить въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ томъ, что за два года своего существованія школа набрала столь большое число учениковъ, а 2) въ томъ, что среди этихъ учениковъ были настолько подготовленные, что ихъ составъ могъ наполнить всю школу. Такой успѣхъ дѣла, замѣчу кстати, отразился на дѣятельности Лихудовъ и заставилъ ихъ не только продолжать начатое дѣло, но и воодушевилъ Софронія, заставивъ болѣе вдумчиво и серьезно заняться самымъ дѣломъ.

Таковы положительныя стороны проекта; но онъ имѣлъ и отрицательныя стороны, которыя являются необъяснимо странными, если авторомъ ихъ былъ Симеонъ Полоцкій; всего вѣроятнѣе, что нижеизложенное явилось или уступкой настояніямъ патріарха, а быть-можетъ, и самого царя, или какимъ-либо соглашеніемъ между борющимися партіями. Въ проектѣ говорится, что ученые иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію и желающіе поступить на службу царскую, прежде испытываются въ вѣрѣ блюстителемъ Академіи и учителями, и если по ихъ свидѣтельству окажутся достойными, то принимаются на службу; а тѣ, въ которыхъ усмотрѣно будетъ направленіе, противное духу православія, высылаются назадъ за границу. Я говорю, что такое постановленіе болѣе чѣмъ странно: оно

*) Милюковъ. „Очерки по истор. русск. культ.“, ч. II, стр. 262, прим.

противорѣчитъ существу дѣла и практикѣ московскаго правительства. Какіе иностранцы здѣсь имѣются въ виду? Если это жители западныхъ государствъ, то они завѣдомо не православные; но въ то же время ихъ множество: и на царской службѣ, и просто живущихъ въ Москвѣ, и даже имѣющихъ свои церкви. Очевидно, къ нимъ это не можетъ относиться просто потому, что дѣло, для котораго вызванъ, приглашенъ иноземецъ, чуждо религіи и совершенно неподсудно суду учителей. Если здѣсь имѣлись въ виду лица восточныхъ церквей, греки, православные славяне и пр., то почему относительно ихъ сдѣлано особое постановленіе? Единственно, какъ можно понять это требованіе, то относительно всякаго рода учителей, которыхъ много понаѣхало въ Москву, когда прошелъ слухъ объ организаціи особой высшей школы. При такомъ предположеніи понятно, почему здѣсь поставлено слово „ученые“, а само требованіе тѣсно связывается съ большимъ вопросомъ московскаго правительства—съ чистотой вѣры.

Если мы теперь вспомнимъ о запрещеніи москвичамъ учиться у иностранныхъ учителей и поставимъ все это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что обо всемъ объ этомъ говоритъ царская грамота, то намъ станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ очень крупнымъ фактомъ. Въ чемъ же этотъ фактъ? Единственное объясненіе мнѣ кажется такое, что съ одной стороны слухи о новой школѣ, а съ другой, и это главное, большое количество лицъ, желающихъ учиться, привлекли въ Москву много иностранцевъ, которые, ища заработка, предлагали свои услуги. Мнѣ кажется, что попытка пастора Глюка открыть въ Москвѣ гимназію была не единственной, что было и раньше много желающихъ, которые собирали у себя небольшія школы, куда поступала московская молодежь. Вотъ объ этихъ-то учителяхъ и говоритъ грамота царя Θεодора.

Что касается до учителей академіи, то проектъ очень стилино обрисовываетъ, какими достоинствами долженъ обладать какъ блюститель, такъ и учителя: „Блюститель и учителя должны быть благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ православной восточной вѣрѣ російскаго и греческаго народа“, при этомъ греки должны принести отъ патріарха удостовѣреніе въ своей религіозной благонадежности. Тѣ, кто перейдетъ въ православіе изъ лютерской или кальвинской или другихъ ересей, совсѣмъ не допускаются въ учителя, потому что они привыкли злохитростнымъ образомъ тайно свои ереси передавать ученикамъ. Жители Литвы и Малороссіи могутъ быть учителями, если найдутъ достовѣрныхъ свидѣтелей своего благочестія; однако, проектъ не склоненъ вѣрить ихъ искренности, онъ

боится, что „прелестники сначала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестіи ревнителями крѣпкими, а потомъ мало-по-малу развратныя слова всѣвають и непорочную цѣлость вѣры нашей терзать начинаютъ“. Повторяю, что странно, если все это писалъ Симеонъ, малороссъ родомъ, относящійся нѣсколько презрительно къ московской образованности. Съ другой стороны, въ этихъ словахъ, несомнѣнно, выразилось господствующее настроеніе московскаго правительства, а потому ясно, что оно не могло избрать для себя подходящаго учительскаго персонала, и если бы не Лихуды, то дѣло школы окончательно могло бы погибнуть. Но, сверхъ того, проектъ отступаетъ отъ своей основной идеи—созданія высшей школы для всей восточной церкви и переходитъ къ своимъ домашнимъ нуждамъ, мѣстнымъ большимъ вопросамъ. Далѣе онъ еще ближе касается этихъ вопросовъ, поручая учителямъ слѣдить за тѣми, кто принялъ православіе; для такихъ лицъ составляются особые списки и отдаются блюстителю; въ случаѣ уклоненія кого-либо отъ истинъ вѣры, такому грозитъ ссылка на Терекъ или въ Сибирь. Эта угроза особенно любопытна,—она находится въ связи съ требованіемъ ежегодной исповѣди и показываетъ, что въ дѣлѣ вѣры правительство готово вступить и уже вступаетъ на путь сыска и принужденія. Церковь становится религіознымъ приказомъ, гдѣ вѣрующіе регистрируются, какъ политически благонадежные. Такой поворотъ правительственной политики есть естественное развитіе той мысли, которая возникла еще при исправленіи богослужебныхъ книгъ и особенно обострилась въ спорахъ съ раскольниками. Здѣсь совершенно ясно, что не вопросъ вѣры, а религіозное разногласіе съ правительственнымъ мнѣніемъ гнало людей въ отдаленныя мѣстности государства, какъ политическихъ преступниковъ. Правительство особенно беспокоилось о томъ, что въ средѣ населенія могутъ возникать религіозныя теченія, и проектъ съ особенной настойчивостью указываетъ, „что бы всякаго чина духовные и мірскіе люди волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ Церковью запрещенныхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя не держали, по нимъ не дѣйствовали и другихъ не учили“. Забота объ обывателѣ шла дальше: ему запрещалось держать у себя польскія, латинскія, нѣмецкія, лютерскія и кальвинскія и прочія еретическія книги; запрещалось имѣть споры по этимъ книгамъ. Любопытна и мотивировка запрещенія этихъ споровъ. „Есть такой обычай“, говоритъ проектъ, „заведуть споръ, да и скажутъ, что они это дѣлаютъ не потому, что сомнѣваются въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ, но просто для *наукотворнаго состязанія*“. Въ этомъ ска-

залось жизненное наблюденіе, которое подробно изложено въ процессѣ объ ереси Тверитинова и, очевидно, имѣло уже давніе и установившіеся корни. Изъ приведеннаго мѣста очевидно, что между правительствомъ и обывателемъ возникли тренія, и правительство склонно было обвинить обывателя въ невѣжествѣ; оно прямо говоритъ: „Людымъ неученымъ книгъ не держать“. Что значить „неученымъ“? Это значить иначе мыслящимъ, чѣмъ правительство, потому что неученный человѣкъ не будетъ тратить деньги на книги, въ которыхъ онъ ничего не понимаетъ, а если онъ покупаетъ книги, то, значить, онъ интересуется тѣми вопросами, которые въ нихъ изложены; но этотъ интересъ, съ точки зрѣнія правительства, вреденъ, ибо ведетъ къ своеволію мысли. Поэтому проектъ школы, слѣдуя ходу естественно развиваемой мысли, вторгается уже въ частную жизнь обывателя, обязывая его жечь такіа книги или приносить блюстителю школы. Этотъ блюститель пріобрѣтаетъ уже права инквизиціоннаго трибунала, на судъ котораго отдается обыватель, обвиняемый въ хулѣ на православную церковь, и по постановленію блюстителя послѣдній можетъ быть преданъ сожженію, если его вина окажется справедливой. Такими ужасами пополненъ проектъ въ той его части, которая касается домашнихъ московскихъ дѣлъ. Кто знаетъ, быть-можетъ, въ силу всѣхъ этихъ нелѣпостей правительство Софьи не нашло возможнымъ подписать грамоту и тѣмъ ввести ее въ жизнь какъ законоучительный актъ. Но, съ другой стороны, это жаль, потому что грамота содержитъ въ себѣ и положительныя стороны, какъ, напр., передачу царской бібліотеки, назначеніе опредѣленныхъ монастырей и угодій на содержаніе академіи и пр. Можно думать, что правительство при Θεодорѣ серьезно думало о томъ, чтобы въ Москвѣ основать высшее учебное заведеніе, опредѣливъ на его содержаніе точно установленныя средства въ видѣ дохода отъ монастырей и имѣній и снабдивъ его опредѣленнымъ уставомъ. Это послѣднее можно видѣть изъ того, что въ пунктѣ четвертомъ проекта говорится: „Блюстителю училища и учителямъ творити крестное цѣлованіе по чину, иже отъ Насъ В. Государя съ совѣтомъ Святѣйшаго патріарха постановленъ и утвержденъ имать быти *во уставѣ академическомъ*“. Тутъ же сама грамота названа *привилеіей*. Таковъ былъ проектъ, изъ котораго видно, что думало правительство при царѣ Θεодорѣ; но онъ умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ умерло и все то, о чемъ онъ мечталъ, что хотѣлъ провести въ жизнь. Послѣ его смерти власть перешла къ новымъ людымъ. Въ 1685 году Сильвестръ Медвѣдевъ предложилъ Софѣѣ подписать грамоту царя Θεодора, рассчитывая на то, что ему будетъ поручена организація школы. Однако, этому

воспротивился патріархъ, и грамота осталась неподписанной, а слѣдовательно и неутвержденной. Наконецъ, училище открывается только потому, что въ Москву пріѣхали Лихуды, съ которыми не знали, что дѣлать. Теперь, при измѣнившихся условіяхъ, уже не было того подъема, который былъ при составленіи грамоты; долго колебались, гдѣ помѣстить Лихудовъ. Наконецъ нашли денегъ на постройку зданія: на это употребили капиталъ, завѣщанный іеродіакономъ Мелетіемъ, въ растратѣ котораго почему-то обвинилъ Лихудовъ вполнѣдствіи патріархъ Досіеѳей, говоря, что этотъ капиталъ завѣщанъ въ пользу гроба Господня. Возведенію зданія для Академіи много способствовалъ и деньгами и распоряженіями сильный въ то время при дворѣ князь Вас. Вас. Голицынъ, который на собственный счетъ выстроилъ зданіе для коллегіума, гдѣ опредѣлили содержать 20 греческихъ ученыхъ со множествомъ книгъ. Это дополненіе показываетъ, что и при Софѣѣ не была оставлена мысль объ учебномъ заведеніи для всей восточной церкви. Кромѣ того, это извѣстіе нужно отмѣтить съ двухъ точекъ: во-первыхъ, изъ него видно, что благотворительность вельможи совершенно не касалась нуждъ родной страны; онъ, какъ и царь Ѳеодоръ, больше думалъ о грекахъ, чѣмъ о русскихъ; во-вторыхъ, то, что въ Академію была передана библіотека князя, который былъ очень образованный человѣкъ, какъ свидѣлствуютъ современники. Вопросъ о библіотекѣ при Академіи—очень важный вопросъ, который, къ сожалѣнію, въ настоящее время почти невозможно выяснить. По проекту царя Ѳеодора, въ Академію должна была быть передана царская библіотека; но, кажется, она осталась малодоступной для учениковъ *). Однакоже, De la Neuville въ извѣстіяхъ о Московіи 1684 года говоритъ, что при Академіи была библіотека со множествомъ книгъ. Такими библіотеками, кромѣ Голицынской, могли быть библіотеки Симеона Полопкаго и Сильвестра Медвѣдева, которыя могли поступить въ распоряженіе Академіи послѣ того, какъ Медвѣдевъ былъ схваченъ и обвиненъ въ заговорѣ Щегловитова. Тогда могла быть библіотека переписана, и этотъ списокъ сохранялся. По списку въ библіотекѣ было 603 книги на языкахъ латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и польскомъ. Вотъ тѣ, которыя приводитъ г. Смирновъ.

1) Двѣ книги библіотеки Мунда	2
2) Книга, глаголемая Нуклеусъ Коппенкленіусъ, по-
ученіе во весь годъ	1

*) Смирновъ. „Исторія Славяно-греко-латинской Академіи“, стр. 41.

3) Книга животы Святыхъ, твореніе Лазаря Барановича, на виршахъ	1
4) Двѣ книги житія св. отецъ Печерскихъ на польскомъ языкѣ *).	2
5) <i>Theatrum crudelitatum haereticorum</i>	1
6) <i>Ciceronis opera omnia</i>	1
7) Тертуліанъ	1
8) Лексиконъ латинскій къ Цицерону	1
9) Калепинъ великій на 11 языкахъ **)	1
10) <i>Tractatus de facta scientia et ignorantia</i>	1
11) Бароніушъ	1
	13
12) Кроника польская Матвѣя Стриковского	1
13) Книга Бароніева на 1200 лѣтъ ***)	1
	15

*) Когда въ эпоху религіознаго возбужденія и борьбы въ Кіевѣ стала особенно чувствоваться потребность въ церковномъ чтеніи, для ознакомленія съ житіями святыхъ приходилось обращаться къ латинскимъ и польскимъ книгамъ, что представляло вѣроисповѣдныя неудобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка къ польскому языку была такова, что кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ составилъ на польскомъ языкѣ даже Кіево-Печерскій Патерикъ (впослѣдствіи дополненный и изложенный на славянскомъ языкѣ Іосифомъ Тризноу); Лазарь Барановичъ писалъ житія святыхъ на польскомъ языкѣ. Пыпинъ. „Исторія литературы“. Т. II, стр. 383.

**) Такъ назывался словарь, составленный августинскимъ монахомъ Амвросіемъ Калепино, впослѣдствіи пополненный другими авторами. Здѣсь, очевидно, было базальское изданіе 1590 г.

***) Книга „Бароніушъ“ или „Бароніева“ на 1200 лѣтъ требуетъ поясненія. Бароній былъ историкъ римско-католической церкви (1538—1607); онъ былъ послѣдовательно духовникомъ папы, апостольскимъ протонаріемъ, въ 1596 г. получилъ санъ кардинала и, наконецъ, сдѣлался бібліотекаремъ въ Ватиканѣ. Самое замѣчательное его произведеніе „*Annales ecclesiastics a Christo nato ad annum 1196*“ въ 12 томахъ. Здѣсь онъ выступаетъ ревностнымъ защитникомъ притязаній папства, находя для нихъ опору въ первоначальномъ христіанскомъ ученіи. При этомъ доказано, что нѣкоторые источники, на которые онъ ссылается, вымышлены. Это сочиненіе было переведено съ польскаго сокращеннаго краковскаго изданія въ 1687 году инокомъ Игнатіемъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Годовыя дѣла церковныя отъ рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вновь переведенныя, нужнѣйшія вещи изъ Бароніуса, второго друкованія“. Въ этомъ переводѣ опущены мѣста, противныя ученію восточной церкви, иногда есть возраженія, а иногда отмѣчено, что это мнѣніе принадлежитъ Баронію. Во время усилившагося въ началѣ XVIII вѣка движенія среди раскольниковъ безпоповцевъ сочиненіе Баронія стало распространяться въ спискахъ особенно поморскаго письма, при чемъ искажалось и дополнялось. Въ виду этого Св. Синодъ въ 1719 г. постановилъ напечатать это сочиненіе, что и было исполнено въ московской синодальной типографіи; но при этомъ были выпущены всѣ

14) Книга письменная лѣтописательная о кіевскомъ княжествѣ	1	
15) Лексиконъ славяно-латинскій	1	} *).
16) Лексиконъ латино-словенскій	1	
17) Книга лапонская (?)	1	
18) Лексиконъ польскаго, словенскаго языковъ . . .	1	
19) Книга посланіе Кикеронію	1	
20) Лѣтописецъ вся земли—латинская	1	
21) 10 книгъ синонимовъ	10	
22) 18 книгъ греко-словенскихъ грамматикъ . . .	18	
23) 23 книги Алваровъ (т.-е. латинской граммат. Алвара)	23	
24) Книга вещей поселянскихъ (?).	1	
25) Книга Тита Ливія Патавскаго о исторіяхъ—латинская.	1	
26) Книга Второго Плинія исторій естественныхъ—латинская	1	
27) Посланіе Кикероново къ домашнимъ	1	
28) Трагедія или плачевные стихи—латинская. . .	1	
29) Разумъ суда Римскаго—латинская	1	
30) Плаута комика—латинская	1	

тѣ толкованія, которыя несогласны съ ученіемъ восточной церкви. Раскольники не признали вслѣдствіе этого правильности печатной книги и стали вставлять вмѣсто опущенныхъ мѣстъ свои толкованія. Рукописные переводы пользуются между ними большимъ авторитетомъ. Теперь, какія книги Баронія были въ библіотекѣ Спасскихъ школъ, я не знаю, но думаю, что это не могъ быть переводъ, если это были книги кн. Голицына или Симеона или Сильвестра.

Сверхъ того, Бароній извѣстенъ еще, какъ авторъ сочиненія по русской исторіи; онъ писалъ о происхожденіи русскихъ (de Ruthenorum origine) и о посольствѣ нѣкоторыхъ изъ русскихъ духовныхъ въ Римъ послѣ Брестскаго собора въ 1594 году.

*) Западно-русскіе писатели предпринимали труды по изученію грамматики. Таковы были труды по грамматикѣ славянскаго языка: львовская 1591 года, составленная „спудеями“ львовской школы, и виленская Лаврентія Зизанія; позднѣе грамматика Мелетія Смотрицкаго 1619 г., перепечатанная въ Москвѣ въ 1648 г.; словари Лаврентія Зизанія и позднѣе Памвы Бернды. (Пыпинъ. Т. II, стр. 318).

Князь Рѣпинъ Оболенскій, будучи посланъ въ Польшу въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующія книги: 1) Лексиконъ славяно-русскій за 4½ злотыхъ польскихъ; 2) Гранографъ Пясецкаго—дано 10 злотыхъ; 3) Дисціонеръ или лексиконъ Гдалскій на трехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, латинскомъ и польскомъ—дано 15 злотыхъ; 4) Гвагинъ—дано 40 злотыхъ; 5) Библія на польскомъ языкѣ—дано 50 злотыхъ; 6) Книга описаніе Польши, дано 24 злотыхъ, да отъ переплету 6 злотыхъ; 7) Конституція нынѣшняго 161 года, дано левокъ; всего куплено книгъ на 25 злотыхъ. (Ист. Россіи Соловьева. Т. XIII).

31) Ликсиконъ шестероязычный	1
32) Алкоранъ Магомета на польскомъ языкѣ	1
33) Книга нѣмецкая—германская (?)	1
34) Псалтырь Воложская	1
	78*).

Таково было учебно-вспомогательное учрежденіе; къ этимъ книгамъ нужно еще присоединить бібліотеку самихъ Лихудовъ и вѣроятную возможность пользоваться книгами изъ типографской бібліотеки. Вообще, надо думать, что книжное богатство того времени не было мало, и лица, желающія заниматься, въ книгахъ не нуждались. Такъ, Дмитрій Ростовскій, когда задумалъ писать свои житія святыхъ: „Четьи-Минеи“, когда жилъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, то просилъ прислать ему изъ Москвы соч. митр. Макарія. Однако, повторяю, при всей наличности учебно-вспомогательныхъ средствъ дѣло школы не было прочно. Когда пріѣхали Лихуды и устроились въ Богоявленскомъ монастырѣ, то открыли какъ бы свою частную школу. Къ нимъ перешли ученики изъ типографской школы: Алексѣй Барсовъ, будущій директоръ синодальной типографіи и знатокъ греческаго языка, Николай Семеновъ-Головинъ, будущій сотрудникъ Поликарпова какъ въ дѣлѣ преподаванія, такъ и исправленія книгъ, Ѳедоръ Поликарповъ, преемникъ Лихудовъ въ академіи, Ѳедотъ Аггеевъ и Іосифъ Аонасьевъ. Къ нимъ присоединились чудовскій монахъ Іовъ и іеродіаконъ Палладій Роговъ. Такъ открылась школа.

Въ слѣдующемъ 1686 году было готово новое зданіе, торжественно освящено самимъ патріархомъ и соборомъ духовенства.

Число учениковъ было увеличено еще 40 учениками, среди которыхъ были „священники, іеродіаконъ и монахи, иніи князи, мальчики, стольники и всякого чина сего царствующаго града“. На слѣдующій годъ число учениковъ, какъ мы видѣли выше, по справкѣ г. Милюкова, доходило почти до 100, при чемъ были и низшіе, и средніе, и высшіе классы. Но здѣсь мы не видимъ учителей; нужно думать, что старшіе ученики школы, въ родѣ Поликарпова, Семенова и другихъ, взяли на себя обязанность преподаванія въ низшихъ и среднихъ классахъ, сами же Лихуды, какъ я думаю, читали высшій курсъ знанія только особо избраннымъ. Этотъ курсъ я подробно разсмотрю по отношенію къ естествознанію. Но предварительно отмѣчу слѣдующее.

*) Опись хранится въ архивѣ оружейной палаты. См. „Временникъ“ Ист. Об. истор. и древн. 1853 года. Книга 16. Смѣсь. „Вѣстн. Европ.“ 1827 года, № 16, стр. 255.

Мы знаемъ многихъ кіевлянъ, которые уѣзжали на Западъ, поступали тамъ въ школы и послѣ достаточнаго ознакомленія съ западною ученостію возвращались назадъ; несомнѣнно, что были и москвичи, которые также ѣздили на Западъ для ознакомленія съ наукой и философіей; сами Лихуды, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не только хорошо знали философію Аристотеля, но и ввели ее въ курсъ наукъ. Но если восточные ученые богословы признавали авторитетъ Аристотеля, философія котораго легла въ основу западнаго богословія, то естественно является вопросъ о томъ, гдѣ, кромѣ догматическаго ученія о власти папы, были пункты расхожденія между Востокомъ и Западомъ? Если для обычной публики и могла имѣть значеніе разница въ догматическихъ положеніяхъ, то для ученыхъ мыслителей и богослововъ этого было недостаточно. Они должны были или согласиться съ толкованіемъ западныхъ ученыхъ или найти философскія обоснованія для своего несогласія. Неясность именно этого вопроса лежала въ основѣ того спора, въ который были втянуты и Лихуды,—о времени пресуществленія Св. Даровъ. Если въ постановленіяхъ противъ католиковъ московскаго правительства и лежало много политическихъ интересовъ, то въ чисто теоретическомъ спорѣ нужно было иное философское обоснованіе, въ силу котораго на Востокѣ должно было создаться иное, не аристотельское обоснованіе всего философскаго строя мысли. Эти обоснованія, несомнѣнно, были; иначе было бы странно, какъ такіе люди, какъ, напр., Теофанъ Прокоповичъ и многіе другіе, будучи хорошо приняты на Западѣ, принявшіе если не католичество, то унию, вновь возвращались въ лоно православной церкви, очевидно, въ силу тѣхъ внутреннихъ побужденій, которыя были выше матеріальныхъ расчетовъ.

Біографія Теофана проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ темный вопросъ. Русскіе ученые на Западѣ, а можетъ-быть, и раньше у себя, дома, знакомились не только съ католическими богословами, но и протестантскими и могли притти къ утѣшительной мысли, что примиреніемъ этихъ двухъ крайностей и будетъ православіе. Я не буду входить въ разборъ богословскихъ аргументовъ, но укажу на слѣдующее. Среди этихъ аргументовъ въ католическомъ мірѣ видное мѣсто занималъ споръ папскаго престола съ Галилеемъ по отношенію къ ученію Коперника.

Въ разсматриваемый моментъ страсти далеко не улеглись, и въ католическихъ школахъ, конечно, сильно возставали и порицали всю эту систему и ея обоснованія. Русскіе ученые выносили изъ этихъ порицаній совершенно особое мнѣніе. „Если,“ — говоритъ Теофанъ въ своемъ богословіи, „ученики Коперника и другіе уче-

ные, защищающіе движеніе земли, могутъ привести въ доказательство своего мнѣнія достовѣрные фѣзическіе и математическіе доводы, то тексты Св. Писанія, въ которыхъ говорится о движеніи солнца, не могутъ служить для нихъ препятствіемъ, ибо эти тексты слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ аллегорическомъ смыслѣ“ *).

Это мнѣніе знаменитаго русскаго богослова и даетъ намъ возможность понять ту философскую точку расхожденія православныхъ богослововъ съ ихъ католическими собратіями. Православные богословы выдѣляли естествознаніе, какъ особую науку, не противорѣчащую авторитету Св. Писанія и отцовъ церкви. Въ этомъ отношеніи они имѣли твердую точку опоры въ ученіи православныхъ отцовъ церкви Дамаскина и Василія Великаго, мнѣнія которыхъ были впослѣдствіи собраны Ломоносовымъ и формулированы имъ такъ: „Физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны“ **). А такъ какъ этотъ взглядъ на науку восходитъ раньше—къ Максиму Греку, который писалъ по отношенію къ астрологіи, относясь къ ней отрицательно, но въ то же время: „Говоря это“, замѣчаетъ онъ,, я не укоряю вообще знаніе небесныхъ явленій, которое нужно и полезно для жизни, чтобы знать теченіе звѣздъ для исчисленія времени, на чемъ основывается и пасхалія, но порицаю то знаніе, которое, возносясь черезъ мѣру, напрасно испытуетъ то, что извѣстно одному Богу, и отлучаетъ вѣрныхъ отъ Бога“ ***), т.-е. онъ отрицаетъ только возможность астрологическихъ предсказаній.

Въ силу всего этого, я считаю несомнѣннымъ, что русскіе православные богословы брали изъ ученія Аристотеля все то, что не противорѣчило ни ученію церкви, ни той чистой наукѣ естествознанія, которая уже нарождалась въ Россіи. Я думаю, что этотъ оттѣнокъ мысли и философіи былъ и въ ученіи Лихудовъ, которые преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, реторку, логику, психологію и фѣзику. По каждому изъ этихъ предметовъ, кромѣ фѣзики, они составили свои учебники. Это обстоятельство я считаю въ высшей степени важнымъ. Оно показываетъ, во-1-хъ, то, что прѣзжіе греки не были чужды не только учености, но и образованности, а во-2-хъ, то, что ученіе западной школы и Аристотеля прошло черезъ сознаніе преподавателей и было предложено не въ своемъ чистомъ видѣ, а какъ переложеніе съ точки

*) Пыпинъ. „Исторія рус. литер.“. III, стр. 201.

**) Ломоносовъ. „Слова въ публичн. собр. СПБ. Академіи наукъ“, стр. 620.

***) Правосл. Собес. 1861, май.

зрѣнія Лихудовъ. Это обстоятельство открывало просторъ критикѣ и въ то же время вносило въ самое ученіе новыя точки зрѣнія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на реторикѣ, логикѣ, психологii и физикѣ, передавая то, что содержится въ обстоятельномъ сочиненіи Сергѣя Смирнова „Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи“.

Въ началѣ реторики и логики Лихуды пишутъ: „Сію преславную и преползную реторику при помощи Божіей мы намѣрены объяснить теперь, а слѣдовать будемъ Аристотелю, впрочемъ, такъ, чтобы для облегченія учениковъ изложить кратко и сжато тѣ трактаты, которые у онаго несравненнаго мужа изложены слишкомъ обширно“. Г. Смирновъ говоритъ: „Въ опредѣленіяхъ понятій и въ нѣкоторыхъ частныхъ правилахъ Софроній слѣдовалъ Аристотелю, видно, что у него была подъ руками *τέχνη Ρητορική* Франческо Скуффи, изданная въ Венеціи въ 1681 году, но нельзя не признать въ изложеніи реторики оригинальной самостоятельности автора“. Это указаніе изслѣдователя чрезвычайно важно; оно свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ была и современная литература по тѣмъ вопросамъ, которыми занимались русскіе богословы и ученые. Далѣе изслѣдователь говоритъ, что учебникъ отличается какъ отъ древнихъ пособій, такъ и отъ современныхъ ему западныхъ, приближаясь къ національному характеру слушателей. Кромѣ того, учебникъ изложенъ яснымъ, чистымъ и живымъ языкомъ, гдѣ риторическія понятія Аристотеля, проведенныя черезъ строгія формы философскаго мышленія, чужды излишней отвлеченности и выражены просто и удобопонятно. Краснорѣчіе Софроній раздѣляетъ на Божественное, героическое и человѣческое. Первое содержится въ Св. Писаніи, въ Богодухновенныхъ глаголахъ Пророковъ и Апостоловъ: „небесная реторика“, говоритъ онъ, „совсѣмъ не такъ дѣйствовала, какъ пѣснь баснословнаго Орфея; она переродила волковъ въ агнцевъ и въ звѣрскихъ душахъ язычниковъ воспламенила любовь къ благочестію, цѣломудрію и кротости. Это краснорѣчіе есть языкъ Ангеловъ“. Краснорѣчіе героическое заключено въ твореніяхъ св. отцовъ церкви, а человѣческое въ сочиненіяхъ Демосеена, Цицерона и другихъ ораторовъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Если бы захотѣлъ я говорить объ изяществѣ и силѣ Божественнаго Писанія, то никогда не кончилъ бы своей бесѣды. Для меня удивительно, почему нѣкоторые, оставивъ эту высокую и полезнѣйшую мудрость, обращаются къ тлѣннымъ произведеніямъ человѣческой мудрости“. Здѣсь, въ этихъ словахъ ученаго грека, мы видимъ то расхожденіе пра-

вославної восточної науки съ ея западнымъ собратомъ, о которомъ я говорилъ выше. Очевидно, что здѣсь весь вопросъ сосредоточивается на значеніи древнихъ писателей, на томъ, что на Западѣ еще не угасло оригинальное смѣшеніе языческой древности съ христіанскимъ ученіемъ.

О прости, великій Зевсъ,
За насъ распятый на крестѣ *),

говорить Данте. Боккачіо называетъ Христа сыномъ Юпитера, который грабитъ царство Плутона. При вѣнчаніи Петрарка сатиры, фавны и нимфы танцуютъ передъ поэтомъ во время шествія его въ храмъ св. Петра, гдѣ онъ, помолясь у алтаря, приносить въ даръ Аполлону свои вѣнки. Въ XV столѣтіи поклоненіе классикамъ доходило до того, что итальянскіе ученые относятся съ презрѣніемъ къ своему родному языку. Въ написанныхъ Леонардо Аретино по-латыни діалогахъ онъ заставляетъ извѣстнаго государственнаго мужа и ученаго Николо Николи выразиться, что онъ не понимаетъ, какъ могли Данте, „дурно писавшаго на латинскомъ языкѣ, причислять къ поэтамъ и ученымъ и даже предпочесть Виргилію; его бы слѣдовало предоставить мѣдникамъ, хлѣбникамъ и подобному народу, которымъ онъ, вѣроятно, придется по вкусу“ **). Правда, что все это было гораздо раньше разсматриваемой эпохи, но авторитетъ столь выдающихся писателей пережилъ ихъ время, и то, что они вводили въ жизнь, какъ особую ея красоту, несомнѣнно, сохранилось именно въ учебникахъ, и противъ чего, несомнѣнно, возсталъ Софроній.

Что касается логики, то Софроній въ своихъ лекціяхъ слѣдовалъ также Аристотелю, но нѣсколько измѣнилъ порядокъ его изслѣдованія. „Введеніе у него раздѣляется на три части сообразно съ троякимъ дѣйствіемъ ума, поколику умъ или познаетъ предметы, ничего о нихъ не утверждая, не отрицая, или познаетъ систематически, выражая познаніе въ формѣ сужденія, или силлогистически, составляя заключеніе о предметѣ познаваемомъ“.

„Въ первой части введенія, раздѣленной на 7 главъ, наставникъ разсуждаетъ о логическихъ терминахъ, которые онъ сравниваетъ съ межевыми мѣтками, разставленными на поляхъ; приводитъ аристотелево опредѣленіе термина и опредѣленіе, сдѣланное философами... Далѣе говоритъ о различныхъ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ термина, произносимаго, о качествахъ и количествахъ тер-

*) Въ подлинникѣ: Юпитеръ... Oh. sommo Giove che fosti'n terra per noi crocitisso. См. Карлъ ф. Раумеръ „Истор. воспит. и ученія“, стр. 31.

**) Ibid.

миновъ и, наконецъ, объ опредѣленіяхъ, видахъ и составныхъ частяхъ онаго“.

„Во второй части введенія предлагается ученіе о предложеніи, взятое изъ книги Аристотеля, но изложенное яснѣе и короче.

Здѣсь говорится о составныхъ частяхъ предложенія, о имени, глаголѣ и рѣчи; о предложеніяхъ категорическихъ, ихъ противоположеніи и равнозначности... о предложеніяхъ сложныхъ или условныхъ и, наконецъ, о раздѣленіи...“

„Въ третьей части введенія о соединеніи понятій или объ умозаключеніи. Умозаключеніе раздѣляется на четыре вида: силлогизмъ, наведеніе, примѣръ и энтитему. Ученіе о силлогизмахъ взято изъ аналитики Аристотеля“.

„За введеніемъ слѣдуютъ „предварительные вопросы относительно всей логики Аристотеля. Въ этомъ трактатѣ рѣшаются вопросы о раздѣленіи логики, о значеніи ея какъ знанія, о предметѣ логики, о характерѣ знанія. Авторъ раздѣляетъ логику на дидактическую и прикладную и доказываетъ, что она есть знаніе теоретическое. Основаніе сего ученія содержится въ послѣднихъ аналитикахъ Аристотеля“.

„Далѣе, Софроній предлагаетъ объясненіе и вопросы на введеніе Порфирія и говоритъ, что это введеніе полезно не только для объясненія категорій Аристотеля, но и для познанія всей философіи. И здѣсь у него свой порядокъ: изъ 17 главъ Порфирія онъ дѣлаетъ только 7. Составляя комментаріи на ученіе Порфирія о пяти понятіяхъ: о родѣ, видѣ, разности, собственномъ и случайномъ, наставникъ при концѣ каждой главы предлагаетъ и рѣшаетъ вопросы, касающіеся предметовъ, оставленныхъ Порфиріемъ безъ изслѣдованія, и критически изслѣдуетъ его опредѣленія общихъ понятій и нѣкоторыя положенія его введенія. Онъ представляетъ свои критическія замѣчанія въ такомъ порядкѣ: сперва объясняетъ вопросъ, потомъ высказываетъ свои положенія и доказательства, наконецъ, рѣшаетъ встрѣчающіяся возраженія. „Къ курсу логики присоединены „объясненія и вопросы на категоріи Аристотеля и на двѣ первыя главы первой книги послѣднихъ аналитикъ, писанныя въ 1669 году, когда ему было еще только 17 лѣтъ и онъ учился въ Падувѣ*)“.

Изложивъ содержаніе учебника логики, г. Смирновъ говоритъ: „Касательно содержанія слѣдуетъ сказать, что наставникъ, постоянно вращаясь около Аристотеля, обнаруживаетъ въ себѣ строгаго и благонамѣреннаго мыслителя. Ему извѣстны были комментаріи

*) Г. Смирновъ думаетъ, что въ это время Софроній не могъ написать это сочиненіе по молодости лѣтъ. Я не согласенъ съ этимъ.

по Аристотелю; онъ ссылается на Іоанна Грамматика, Евстратія, Ѳемистія, Аммонія и другихъ, иногда не соглашается съ ихъ толкованіемъ и приводитъ собственныя. Нельзя, впрочемъ, отвергать и того, что въ логику Лихуда вошло нѣчто и изъ уроковъ Котуніанской Академіи, именно изъ лекцій Герасима Влаха *).

Послѣ логики шла физика. „Послѣ того, какъ мы съ трудомъ и ощущеніемъ прошли глубокія пещеры логики“, говорятъ Лихуды (Іоанникий), „теперь при помощи Св. Духа приходимъ къ естественной философіи и постараемся преподавать ее согласно съ ученіемъ Аристотеля. Впрочемъ, будемъ остерегаться отъ всякаго мудрованія, несогласнаго съ нашею религіею и православіемъ и взирающаго на разумъ Божій, какъ говоритъ апостолъ“. Вотъ основная точка зрѣнія первыхъ учителей школы; они боятся новаго ученія, передаютъ только то, что содержится въ ученіи греческаго мыслителя, но и это проводятъ черезъ критику св. Писанія. Какъ это они дѣлали, я позволю себѣ привести образчикъ.

„Кампанелла допускаетъ четыре начала вещей: теплоту, холодъ, сухость и влажность. Онъ учитъ, что Богъ вначалѣ сотворилъ нѣчто цѣлое несовершенное или какую-то необразованную массу съ упомянутыми качествами, находившимися во взаимной борьбѣ. Теплота утончила и очистила эту массу и, расширяя ее кругообразно, произвела небо. Холодъ, сжавъ грубую часть массы, образовалъ землю. Нѣкоторую часть массы взяла влажность и произвела воду; отъ разрѣшенія воды силой тепла произошли испаренія, и отъ него образовался воздухъ“.

„Противъ сего ученія, которое скорѣе представляется баснею поэтовъ, чѣмъ философскимъ мнѣніемъ, возстаютъ всѣ православныя христіанскіе философы, которые, основываясь на св. Писаніи, утверждаютъ, что небо и стихіи непосредственно сотворены Богомъ, да и самъ Кампанелла, составивъ умозаключеніе противъ Аристотеля, противорѣчитъ себѣ: Аристотель сказалъ, что изъ случайнаго не бываетъ сущности; а Кампанелла утверждаетъ, что четыре оныя качества случайны. Какую же они могутъ произвести сущность?“

„Всѣ признаютъ, что первая матерія и по своей природѣ и по могущественному распоряженію Творца не могла существовать безъ

*) Последнее видно, говоритъ г. Смирновъ, изъ сличенія уроковъ, записанныхъ Софроніемъ въ 1669 году, съ курсомъ логики 1690 года. Этимъ утвержденіемъ авторъ становится въ противорѣчіе съ предыдущимъ утвержденіемъ о томъ, что записки 1669 г. не принадлежать Софронію. Если бы это было такъ, то нечего ихъ и сличать. Что курсъ 1669 года могъ быть подражательный, по запискамъ учителей, то это не дѣлаетъ его чуждымъ Софронію.

формы. Въ началѣ міра Богъ сотворилъ не одну матерію, но соединилъ ее съ нѣкоторою формою; посему, когда у нѣкоторыхъ св. Отецъ читаемъ, что Богъ въ началѣ міра сотворилъ нѣкоторую безформенную матерію, то подъ именемъ сей матеріи не должно разумѣть первой матеріи, лишенной всякой формы, но надобно разумѣть землю, не имѣющую еще красоты, свѣта, травъ и цвѣтовъ“.

Таково было изложеніе физики Іоанникіемъ Лихудомъ; на немъ надо нѣсколько остановиться, что я сейчасъ и сдѣлаю; но прежде слѣдуетъ сказать вотъ что: выше я замѣтилъ, что русскіе ученые выносили изъ католическихъ школъ особое представленіе объ естествознаніи, и привелъ примѣръ отношенія Теофана Прокоповича къ системѣ Коперника. Здѣсь мы не видимъ этого; здѣсь узко-схоластическая точка зрѣнія, отрицающая даже то, что говоритъ Кампанелла. Однако, Іоанникій приводитъ уже ученіе Кампанеллы*), защитника Галилея. Въ этомъ ученіи вы ясно видите совершенно новую точку зрѣнія: дѣйствіе механическихъ причинъ, ученіе о силахъ природы.

Пусть Лихудъ, какъ филологъ, отрицаетъ правильность этой точки зрѣнія, важно то, что она приведена, приведена именно въ томъ видѣ, который ее выдвигаетъ, особенно подчеркивая новое направленіе мысли. Чтобы понять возраженія Лихуда, нужно вспомнить, что мы находимъ по этому предмету у Аристотеля. Въ 4 ой книгѣ метеорологіи Аристотель говоритъ объ элементахъ. Теплое и холодное—дѣятельные элементы; сухое и влажное —пассивные. Земля, вода, воздухъ и огонь не суть собственно элементы, но ихъ простѣйшія соединенія. Земля и огонь, наиболѣе удаленные между собою, менѣе смѣшаны; вода и воздухъ—болѣе. Огонь тепелъ и сухъ; воздухъ тепелъ и влаженъ; вода холодна и влажна; земля холодна и суха**). Мы видимъ, что эту именно точку зрѣнія взялъ Кампанелла и примѣнилъ ее къ факту мірозданія, какъ онъ рассказанъ въ Библии: получилась картина, въ которой имѣются дѣйствующія силы и матерія, какъ бы мы сказали теперь. Но этой именно точки зрѣнія и не понялъ Іоанникій и напалъ на Кампанеллу со схоластической точки выясненія понятій и формально-логического вывода. Возраженія Іоанникія основаны также на дальнѣйшемъ развитіи ученія Ари-

*) Кампанелла (1568—1639), доминиканскій монахъ, посвятившій жизнь борьбѣ съ испанскимъ владычествомъ въ Италіи, считается однимъ изъ раннихъ социалистовъ. Онъ былъ защитникомъ ученія Галилея. Списокъ его сочиненій напечатанъ въ Ж. М. Н. Пр. окт. 1906 года. Изъ нихъ въ русскомъ перев. есть „Государство Солнца“.

**) Любимовъ. „Исторія Физики“. 1, стр. 136.

стотеля, а именно на томъ, что представляют собою элементы, которые создаютъ вещи. Для уразумѣнія же вещей и явленій Аристотель вводитъ четыре начала *): матерію, форму, начало движенія, или движущую причину, и цѣль, или конечную причину. Схоластическая наука придавала этимъ началамъ огромное значеніе, въ нихъ былъ краеугольный камень всей философіи среднихъ вѣковъ. По ученію Аристотеля, эти 4 начала могутъ быть сведены къ двумъ: вещь образуется черезъ соединеніе матеріи и формы. Приобрѣтеніе формы есть достиженіе цѣли. Движеніе есть способъ, какимъ приобретеніе это совершается. При этомъ нужно замѣтить, что подъ словомъ матерія Аристотель разумѣлъ гораздо болѣе общее, чѣмъ то, что содержится въ современномъ смыслѣ этого слова. „Матерія“, говоритъ онъ, „есть отношеніе: она мѣняется съ формою, и другой формѣ соответствуетъ другая матерія“. Вода, можно сказать, есть матерія, воздухъ — форма. Вода — матерія воздуха, воздухъ — актъ воды, ибо въ возможности вода есть воздухъ, а самъ воздухъ есть вода въ возможности. По толкованію Ланге **), понятіе „матерія“ относительное. Она есть матерія по отношенію къ тому, что черезъ присоединеніе формы должно изъ нея образоваться. Безъ формы вещь не можетъ быть тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, тогда какъ прежде черезъ матерію дана была только ея возможность. Но матерія сама по себѣ уже имѣла нѣкоторую форму, хотя и такую, которая по отношенію къ вещи, имѣющей изъ нея образоваться, совершенно индифферентна. Мраморъ имѣлъ форму той или иной глыбы прежде, чѣмъ вышла изъ него статуя Аполлона.

Къ двумъ началамъ — матеріи и формѣ Аристотель присоединяетъ еще третье, необходимо изъ нихъ вытекающее, и называетъ его „стерезисъ“ ***). Теперь ясно, что Іоанникій примыкаетъ ко всему этому ученію Аристотеля и даже думаетъ, что св. Писаніе надо понимать именно въ этомъ видѣ, но онъ отрицаетъ точку зрѣнія Кампанеллы на дѣйствіе міровыхъ силъ; это отрицаніе чисто схоластическое: „изъ случайнаго не бываетъ сущности“, элементы случайны, а потому они могутъ произвести сущность — видимый міръ.

Я не знаю, насколько мнѣ удалось ввести читателя въ кругъ тѣхъ идей, которыя были господствующими въ разсматриваемое время; но я утверждаю, что сущность ученія Галилея, Джіордано Бруно и другихъ ученыхъ итальянцевъ не была чужда москвичамъ

*) Въ текстѣ Лихудовъ элементы тепло, холодъ, сухое и влажное неправильно названы началами, хотя въ этомъ можетъ быть и вина г. Смирнова, не точно передававшего смыслъ лекціи.

**) Geschichte des Materialismus, I. 169.

***) Любимовъ, стр. 139.

и усваивалась ими въ той или иной формѣ. Если Лихуды примыкали болѣе къ филологической сторонѣ схоластики, то ихъ современникъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ (1670—1735) представлялъ собою ученаго, увлекающагося иной стороною ученія—чистымъ естествознаніемъ: онъ подарилъ русскую науку первымъ переводомъ сочиненія Христофора Гюйгенса (1716) „Книга мірозрѣнія, или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и ихъ украшеніяхъ“.

Если мы сведемъ все это въ одно цѣлое, то ясно увидимъ, что среди московской публики находились въ оборотѣ всѣ тѣ новинки иностранной философіи и науки, которыя такъ или иначе обратили на себя вниманіе публики на Западѣ.

Ученіе Лихудовъ было одной стороною этой медали, но ихъ ученики какъ на книжномъ рынкѣ, такъ и изъ сношенія съ другими русскими учеными могли знакомиться съ другой стороною знанія и философской мысли.

Чтобы покончить съ Академіей и итти дальше, слѣдуетъ сказать, что Лихуды недолго занимались въ Академіи. Политическія бури и интриги заставили ихъ въ 1694 году покинуть это дѣло и перейти въ типографію, гдѣ они взяли на себя трудъ обучать желающихъ итальянскому языку. Ученіе въ Академіи перешло къ ихъ ученикамъ Николаю Семенову-Головину и Федору Поликарпову, а въ 1699 году этотъ трудъ взялъ на себя Палладій Роговскій, съ ректорства котораго начинается второй періодъ жизни Академіи (1700—1775), т.-е. отъ Палладія Роговскаго до митрополита Платона; объ этомъ періодѣ будетъ сказано въ біографіи нашего мірового генія Михаила Ломоносова.

Глава III.

Школа математическихъ и навигацкихъ наукъ.

Въ славяно-греко-латинской Академіи Магницкій воспитывался и, какъ можно думать, сохранилъ съ учебнымъ ея персоналомъ связи до конца своей жизни. Въ школѣ математическихъ и навигацкихъ наукъ онъ преподавалъ и потомъ былъ ея руководителемъ также до конца жизни; можно сказать, что этой школѣ онъ отдалъ свою жизнь, а потому прежде, чѣмъ говорить о Магницкомъ, необходимо разсмотрѣть и то учрежденіе, гдѣ онъ служилъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ спеціальнаго очерка этого въ высшей степени любо-

пытнаго и важнаго учебнаго заведенія и должны ограничиться тѣми очень скудными свѣдѣніями, которыя о немъ можно найти въ исторіи С. М. Соловьева (XV, 2) и у В. В. Бобынина „Очерки развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи“.

Подобно тому, какъ появленіе греко-славянской Академіи было обязано приѣзду въ Москву Лихудовъ, такъ и появленіе Навигацкой школы обязано случайному обстоятельству. Будучи въ Лондонѣ въ 1698 году, Петръ познакомился съ профессоромъ Абердинскаго Университета Henry Farquharson'омъ, который на русской почвѣ получилъ имя Андрея Даниловича Фарварсона. Послѣдній согласился ѣхать въ Москву, чтобы устроить школу мореходныхъ наукъ. Онъ заключилъ съ царемъ контрактъ, по которому за каждого обученнаго ученика получалъ по 50 фунтовъ стерлинговъ сверхъ жалованья, которое, вѣроятно, тоже было оговорено, въ размѣрѣ 250 рублей въ годъ. Если принять во вниманіе расчетъ В. О. Ключевскаго, то до 1700 г. русскій рубль былъ равенъ 17 нынѣшнимъ, а послѣ 1700 г. только 9. Тогда мы получимъ истинныя тѣхъ жалобныхъ посланій къ царю черезъ адмирала Апраксина, о которыхъ говоритъ В. В. Бобынинъ. Въ самомъ дѣлѣ, Фарварсонъ, когда уговаривался съ царемъ, то думалъ получать 4250 руб. на наши деньги, а фактически ему пришлось получать только 2250 руб. Условіе съ царемъ было заключено въ присутствіи свидѣтелей Якова Вилимовича Брюса и Андрея Стейльса, на которыхъ потомъ и ссылается Фарварсонъ въ указанной жалобѣ. Очевидно, оно было временное, и можно думать, что срокъ его кончался въ 1710 или 1709 году, ибо въ этой жалобѣ Фарварсонъ пишетъ: „Точію надежду имѣю такую, Е. Ц. В. благоволитъ разсудить мое житіе и приказать мнѣ заплатить за тѣхъ 50 учениковъ противъ уговору. А потомъ буде Е. В. благоволитъ *новый трактатъ* со мной учинить, я готовъ еще болѣе служить до исполненія моей мочи“. Я не знаю былъ ли заключенъ новый трактатъ, но извѣстно, что въ 1715 году Фарварсонъ уже получалъ 955 руб. 84 коп., а такъ какъ въ это время и рубль повысился въ своей цѣнѣ, то это выходитъ 9558 р. 40 коп., т.-е. вдвое болѣе противъ условленнаго.

Надо думать, что Петръ въ Англіи много говорилъ съ Фарварсономъ о будущей школѣ, и у нихъ создался въ общихъ чертахъ планъ организаціи такой школы, имѣющей узко-спеціальныя математическій характеръ. Согласно этому плану, въ помощь къ Фарварсону были приглашены еще два англичанина Степанъ Гвынь и Ричардъ Грейсъ, съ которыми, вѣроятно, было также заключено условіе, и они получали по 150 руб. жалованья. Къ сожалѣнію, выборъ помощниковъ

былъ неудаченъ, особенно Грызъ, или Грейсъ, произвелъ въ Москвѣ очень дурное впечатлѣніе; Курбатовъ въ своемъ донесеніи Головину въ 1703 году характеризуетъ его такими словами: „а меньшей учитель рыцарь Грейсъ—ни къ чему не годный, въ непостоянствѣ всякомъ и въ плутовствѣ б...., и ученикомъ потворствуетъ; и самъ большой учитель его не любитъ“. По свидѣтельству его англійскаго біографа Перри, онъ былъ убитъ при выходѣ изъ школы около 9 часовъ вечера. Это убійство г. Бобынинъ ставитъ въ связь съ распущенностью школы, но всего вѣрнѣе его нужно отнести къ тому, что С. М. Соловьевъ, приводя письмо Курбатова, обозначилъ точками „б....“.

Пригласивъ учителей, Петръ открылъ школу указомъ отъ 14 января 1701 г. Этотъ указъ я позволю себѣ привести цѣликомъ, какъ онъ напечатанъ у Бобынина.

„Великій Государь, Царь и Великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, ревнуя древлѣбывшимъ Грекоправославнымъ Пресвѣтлосамодержавнѣйшимъ Монархамъ, премудро управляющимъ во всякомъ усмотрѣніи Государствіе Самодержавія своего и инымъ въ Европѣ нынѣ содержащихся и премудро тщательно управляемыхъ государей Пресвѣтлосамодержавнѣйшимъ Монархомъ же и Рѣчи Посполитыя управителемъ, указалъ Именнымъ Своимъ Великаго Государя повеленіемъ въ Государствѣ Богохранимыя Своя Державы Всероссійскаго Самодержавія, на славу Всеславнаго Имени Всемудрѣйшаго Бога и Своего Богосодержимаго храбропремудрѣйшаго царствованія, во избаву же и пользу Православнаго Христіанства, быть Математическихъ и Навигацкихъ, то-есть мореходныхъ хитростно наукъ ученію. Во учителейхъ же тѣхъ наукъ быть Англійскія земли урожденнымъ: Математической—Андрею Данилову Фархварсону, навигацкой—Степану Гвыну да Рыцарю Грызу; и вѣдать тѣ науки—всякимъ въ снабдѣніи управленіемъ по Оружейной палатѣ Боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарищи, и тѣхъ наукъ ко ученію усмотря избирать добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ; и учинить неимущимъ во прокормленіи поденной кормъ усмотря ариметикѣ или геометріи; ежели кто сыщется отчасти искуснымъ, по пяти алтынъ въ день, а инымъ же по гривнѣ и меньше, рассмотреть въ коегождо искусство ученія: а для тѣхъ наукъ опредѣлить дворъ въ Кадашевѣ мастерскія палаты, называемый большой полотняный, и объ очисткѣ того двора послать въ мастерскую палату Постельничему Гаврилѣ Ивановичу Головину Свой Великаго Государя указъ, и, взявъ тотъ дворъ и усмотрѣвъ всякія нужныя въ немъ потребности, строить изъ доходовъ отъ оружейныя палаты“ *).

*) Бобынинъ, VII; 3-я четв., стр. 197.

Если мы сравнимъ указъ Петра съ грамотой царя Θεодора, то увидимъ въ нихъ и нѣчто общее и огромную принципиальную разницу. Общее содержится въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой основываютъ новую школу своей царской властію, не устанавливая для новаго дѣла иныхъ законодательныхъ рамокъ. Разница же состоитъ въ томъ, что царь Θεодоръ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ нужды восточной церкви и мало интересовался нуждами своего государства и родной Москвы, а Петръ главнымъ образомъ выдвигаетъ на первое мѣсто нужды Россіи, ибо ясно, что слова „Православнаго Христіанства“ есть синонимъ „русскихъ подданныхъ“. Онъ не указываетъ при этомъ ни объема преподаванія, ни вообще какого-либо курса знанія: онъ указываетъ лицъ, которымъ поручено это дѣло, мѣсто, гдѣ школа должна помѣщаться, и денежные пособія ученикамъ. Все остальное должно устроиться само собой. Однако, какъ видимъ, и новая школа вошла въ жизнь какъ личное усмотрѣніе верховной власти, безъ какого-либо законодательнаго уклада.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе одна подробность, именно—пособіе ученикамъ; такое пособіе было ассигновано и студентамъ славяно-латинской академіи; но размѣръ его въ навигацкой школѣ болѣе высокъ: тамъ полагалось студентамъ богословіи и философіи сначала по 4 копейки въ день, а потомъ по 3; здѣсь нѣтъ разграниченія по курсу, а есть разграниченіе по успѣхамъ и прилежанію, но самое меньшее много больше того, что получали студенты академіи, именно—10 и 15 копеекъ въ день.

Здѣсь становится понятной какъ жалоба Ломоносова на скудность содержанія, такъ послѣдующія жалобы ректоровъ, что даровитые ученики бѣгутъ изъ академіи, поступая въ медицинскую школу Бидло. Но эта подробность въ связи съ самимъ указомъ говоритъ намъ еще и другое. Правительство нуждалось въ особыхъ специалистахъ: духовенствѣ, инженерахъ, морякахъ, докторахъ и пр., и вотъ оно открываетъ спеціальныя школы для подготовки этихъ спеціалистовъ, и, какъ хорошій хозяинъ, оплачиваетъ трудъ не только службы, но и подготовки къ ней; забота же объ общемъ образованіи народа, объ удовлетвореніи его умственныхъ и научныхъ запросовъ была чужда правительству и едва ли ясно сознавалась даже тѣми, кто предлагалъ самыя радикальныя реформы въ этомъ отношеніи. Вотъ причина того, что народонаселеніе холодно отнеслось къ правительственнымъ мѣропріятіямъ; и то сословіе, для котораго главнымъ образомъ все это дѣлалось, дворянство, предпочитало домашнее образованіе казенному. Напрасно историки такъ настойчиво указываютъ на бесплодность правительственныхъ

школъ, видя въ этой бесплодности образовательный индифференцизм общества.

Мы выше видѣли, что этого не было, общество жило своей жизнью и изъ своей среды выдѣлило большихъ ученыхъ, но эти ученые не были связаны со школой, ибо школа была не правительственнымъ учрежденіемъ съ соотвѣтственными правовыми нормами, а личной забавой того или иного правительственного лица. Здѣсь заботились не о нуждахъ населенія, а о томъ, чтобы въ Европѣ не стали говорить худо о новомъ своемъ сочленѣ. Все это отражается въ указѣ Петра и, конечно, находится въ тѣсной зависимости какъ съ отрѣзаніемъ бородъ у наиболѣе почетныхъ лицъ, такъ и съ тѣми смотрами дворянскихъ недорослей, которые иногда производилъ самъ царь. Мы увидимъ далѣе, что народонаселеніе живо откликнулось на хорошее дѣло, школа не вмѣщала количества учениковъ, желающихъ учиться; но, будучи поставлена безъ твердаго экономическаго уклада, она зависѣла отъ случайныхъ лицъ въ матеріальномъ отношеніи и скоро дошла до своего полного паденія.

Указъ былъ данъ 14 января 1701 года, очевидно, послѣ пріѣзда англичанъ въ Москву, а быть-можетъ, даже спустя нѣкоторое время послѣ пріѣзда. На это наводитъ слѣдующее обстоятельство. Г. Бобынинъ говоритъ, что вслѣдствіе непорядковъ въ управленіи англичане попали въ очень тяжелое положеніе; „только благодаря гостепріимству своего соотечественника Андрея Кревета, бывшаго переводчикомъ Посольскаго Приказа, они не были поставлены въ совершенно безвыходное положеніе“.

У С. М. Соловьева сказано: „Школы прежде находились въ вѣдѣніи Кревета; но Курбатовъ выпросилъ ихъ себѣ у царя, потому что навигацкія науки у Кревета не успѣвали“ *).

Чтобы помирить оба эти извѣстія, нужно думать, что англичане попали въ Москву не во-время. Петръ по пріѣздѣ изъ-за границы былъ занятъ кровавой расправой со стрѣльцами, потомъ началась сѣверная война, и онъ, вѣроятно, совершенно забылъ о томъ, что заключилъ какое-то условіе и не сдѣлалъ по этому поводу никакихъ распоряженій. Пріѣхавшіе англичане, естественно, обратились въ Посольскій Приказъ, гдѣ встрѣтились съ Креветомъ, который и сталъ наводить справки.

Такъ что нѣкоторое время онъ, естественно, содержалъ своихъ соотечественниковъ на свой счетъ, пока все дѣло не выяснилось,

*) Соловьевъ. XV, 2, стр. 1347 примѣч. Здѣсь помѣчено, что это взято изъ „Кабинет. II кн. № 1“.

и не былъ полученъ приведенный указъ. Далѣе нужно думать, что по частному, вѣроятно, словесному распоряженію Петра, все дѣло и было поручено Кривету, который, такимъ образомъ, и явился главнымъ завѣдующимъ и организаторомъ новой школы. Чтобы догадаться, какъ дѣло пошло дальше, нужно обратить вниманіе на то, что по указу матеріальная сторона дѣла была передана въ Оружейную Палату; здѣсь оно попало въ руки дѣльца того времени Алексѣя Александровича Курбатова*), который былъ въ это время дякомъ Оружейной Палаты. Какъ человекъ практики, онъ сейчасъ же увидалъ, что дѣло очень важное, но выполнить приказъ Петра относительно помѣщенія невозможно, и предложилъ для этого Сухареву башню, гдѣ жилъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ. Помѣщеніе оказалось настолько подходящимъ, что въ третьемъ этажѣ этой башни оказалось возможнымъ помѣстить не только классы, но и отвести особый залъ для упражненій въ фехтованіи — „рапирный залъ“. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Петра, онъ, вѣроятно, указалъ ему еще на два обстоятельства: 1) на то, что англичане, ничего не зная въ Москвѣ и не будучи знакомы съ московскою жизнью, врядъ ли справятся съ организаціей школы даже при помощи Кривета: „онъ выпросилъ у царя себѣ“ главную заботу о всѣхъ мелочахъ новаго дѣла и тѣмъ спасъ самое дѣло отъ его гибели; 2) онъ указалъ Петру, что въ Москвѣ есть также математикъ, очень подходящий для новой школы, а именно Леонтій Магницкій. Г. Берхъ въ „Жизнеописаніи первыхъ российскихъ адмираловъ“ рассказываетъ, что Петръ имѣлъ случай узнать сего достойнаго мужа, явилъ ему много милостей: пожаловалъ деревнями во Владимирской и Тамбовской губерніяхъ и приказалъ ему выстроить домъ на Лубянкѣ. Государь, бесѣдуя съ нимъ многократно о математическихъ наукахъ, былъ такъ восхищенъ глубокими познаніями его въ оныхъ, что называлъ его магнитомъ и приказалъ писаться Магницкимъ. Какое прозваніе имѣлъ онъ до сего времени, даже ближнимъ его неизвѣстно**). Приводя эту выдержку, г. Бобынинъ говоритъ, что едва ли она согласуется съ дѣйствительностью, какъ это можно видѣть изъ той роли, какую Магницкій игралъ въ дѣлѣ Тверитинова. Замѣчаніе совершенно вѣрное; можно сказать даже больше, что Петръ не зналъ Магницкаго и, вѣроятно, никогда его не видалъ; но все это можно отнести къ Курбатову, который именно могъ рекомендовать Магниц-

*) Курбатовъ былъ крѣпостнымъ Шереметева и выдвинулся при Петрѣ просектомъ введенія гербовой бумаги.

**) В. Берхъ. Жизнеописаніе первыхъ российскихъ адмираловъ или опытъ исторіи российского флота. I, стр. 50, 51.

каго Петру, представляя необходимость включить его въ число преподавателей школы. Что было что-то именно въ этомъ родѣ, можно видѣть еще изъ слѣдующаго. С. М. Соловьевъ, приведя это сообщеніе Курбатова, о которомъ я говорилъ выше, говоритъ еще слѣдующее: „Курбатовъ настоялъ, чтобы право на изданіе ариметики отнято было у нѣкагого иноземца, потому что Леонтій Магницкій не одобрилъ книги, и, по старанію Курбатова, въ домѣ послѣдняго Магницкій началъ самъ сочинять ариметику, которая, по словамъ Курбатова, вышла гораздо лучше иноземной“. Книга, о которой здѣсь говорится, есть, очевидно, ариметика Копіевского, напечатанная въ Амстердамѣ въ друкарнѣ Ивана Андреева Тесинга въ 1699 году по порученію Петра. Это порученіе, очевидно, тѣсно было связано съ приглашеніемъ иностранныхъ учителей, и книга почти одновременно съ ними попала въ Москву, гдѣ произвела самое тяжелое впечатлѣніе.

Доводы Курбатова оказались настолько убѣдительными, что Петръ не только разрѣшилъ Магницкому быть преподавателемъ школы, назначивъ ему жалованье въ 90 руб. въ годъ, но и далъ пособіе на составленіе и печатаніе его книги. По крайней мѣрѣ сохранилась собственноручная записка Магницкаго, въ которой онъ удостовѣряетъ, что со 2-го февраля 1701 года по 1-е января 1702-го онъ получалъ по 5 алтынъ въ день, а всего 49 руб. 31 алт. и 4 деньги кормовыхъ денегъ за составленіе ариметики *).

Сводя всѣ эти свѣдѣнія въ одно, мы можемъ представить себѣ, какъ организовалась школа. Какъ только въ Оружейной Палатѣ сдѣлался извѣстнымъ указъ Петра, такъ Курбатовъ нашелъ возможнымъ черезъ посредство адмирала Ѳ. А. Головина убѣдить царя предоставить всю организацію школы русскимъ людямъ. Такое измѣненіе дѣла было очень непріятно для англичанъ, и на первыхъ порахъ возникли крупныя недоразумѣнія между ними и Магницкимъ. Эти недоразумѣнія очень характерны и проливаютъ много свѣта на внутреннюю сторону жизни въ новомъ учрежденіи, вслѣдствіе чего я позволю себѣ привести то, что находится у С. М. Соловьева цѣликомъ.

„Отъ 1703 года дошло до насъ“, пишетъ Соловьевъ, „любопытное письмо Курбатова къ Головину о состояніи школъ: „по 16 іюля, пишетъ Курбатовъ, „прибрано и учатся 200 человекъ, и признается, что англичане учатъ ихъ той наукѣ чиновно, а когда временемъ и загуляютъ или, по своему обыкновенію, почасту и долго проспятъ. Имѣемъ, по приказу милости твоей, опредѣленнаго имъ по-

*) Пекарскій: „Наука и лит. въ Россіи при Петрѣ В.“ I, стр. 270.

моществователемъ Леонтія Магницкаго *), который непрестанно при той школѣ бываетъ и всегда имѣеть тщаніе не токмо къ единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію, но и ко инымъ къ добру поведеніямъ, въ чемъ тѣ англичане, видя въ школахъ его управленіе не послѣднее, обязали себя къ нему, Леонтію, ненавидѣніемъ, такъ что уже просилъ онъ, Леонтій, отъ частаго ихъ на него гнѣвоиманія отъ школы себѣ свободы; однакожъ я, вѣдая, что ему ихъ ради гнѣвоиманія отъ школы свободну быти не доведется, приказалъ ему о всякихъ поведеніяхъ сказывать до пріѣзда вашей милости мнѣ, и я, пріусматривая, что онъ приноситъ о порядкѣ совершенномъ, призвалъ ихъ въ палату и самъ къ нимъ ѣздя по часту, говорю; а дѣло изъ нихъ призналъ я въ одномъ Андреѣ Фарварсонѣ, и тѣ два, хотя и навигаиры написаны, только и до Леонтія наукою не дошли“. Потомъ Курбатовъ писалъ въ томъ же году: „Точію доложу о семъ, что учителя учатъ нерадѣтельно, а ежели бы не опасались Магницкаго, многое бы у нихъ было продолженіе, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меньшихъ“ **).

Здѣсь надо обратить вниманіе на то, что Курбатовъ пишетъ въ 1703 г., а указъ объ открытіи школы былъ данъ въ 1701 г. Въ томъ же 1701 году Магницкій печатаетъ свою арифметику, очевидно, спѣшно и кончаетъ къ началу 1702 года. Всѣ эти хронологическія данныя, очевидно, связаны между собою. По тону письма можно думать, что фактически школа была открыта въ началѣ 1703 года, когда окончились всѣ необходимыя приготовленія, какъ-то: оборудованіе помѣщенія, наборъ инструментовъ и печатаніе книгъ.

Къ письму Курбатова мы будемъ имѣть случай вернуться по другому поводу и тогда пополнить то, что здѣсь опущено. Вѣрна или нѣтъ характеристика Курбатова, но изъ письма несомнѣнно, что пріѣзжіе не понравились москвичамъ, и, надо думать, что все дѣло фактически оперлось на Магницкаго, за котораго горой стояли Курбатовъ и Головинъ. Но главное то, что также очевидно, что и вся первоначальная организація школы пала на ихъ плечи. Матеріально школа была обставлена хорошо; на ея содержаніе отпускалось изъ казны 22459 руб.—6 алт. 5 денегъ въ годъ. Если мы сравнимъ это съ тѣмъ, что отпускалось на содержаніе академіи, а именно: 3923 руб.—20 алт. 3 ден., которые были отпущены въ 1703 году, то должны признать, что Петръ

*) Изъ этого мѣста письма видно, что Курбатовъ не лично бесѣдовалъ съ царемъ, а черезъ Головина.

**) Соловьевъ, XV, 2, стр. 1346.

не пожалѣлъ денегъ на новое дѣтище. Жалованье учителямъ, однако, не было больше того, что получали учителя академіи: ректоръ 300 руб., а учителя предметовъ по 150; здѣсь Фарварсонъ 250 руб. и его помощники по 150. Только жалованье Магницкаго выходитъ изъ этихъ предѣловъ, а потому можно думать, что официально онъ не былъ учителемъ; только послѣ 1715 года, когда было измѣнено содержаніе всѣхъ преподавателей школы, Магницкому было назначено 260 руб., т. е. онъ занялъ мѣсто Фарварсона. Въ это время при школѣ были подмастерья, старшіе и младшіе: старшіе получали по 72 руб. въ годъ, а младшіе по 42 рубля. Изъ сравненія этого жалованья съ первоначальнымъ жалованьемъ Магницкаго можно думать, что онъ первоначально былъ назначенъ на должность старшаго подмастерья съ нѣскольکو повышеннымъ окладомъ. Ученики школы получали содержанія гораздо больше, чѣмъ студенты академіи, какъ я уже объ этомъ упоминалъ раньше.

Здѣсь надо отмѣтить, что деньги на школу выдавались неаккуратно. Вначалѣ, когда этимъ дѣломъ завѣдывалъ Курбатовъ, онъ, конечно, и заботился о томъ, чтобы деньги были и были вовремя. Но когда онъ въ 1705 году былъ назначенъ инспекторомъ Ратуши, то потерялъ возможность слѣдить за школой; въ слѣдующемъ году умеръ Головинъ, и школа лишилась наиболѣе нужныхъ людей. Тогда указомъ отъ 15 дек. 1706 года она была передана въ вѣдѣніе Приказа Морского Флота, и въ ней начались безпорядки; такъ, въ 1711 году многіе изъ учениковъ разбѣжались отъ невозможности жить въ школѣ. А въ 1714 году, когда школа была уже въ вѣдѣніи Адмиралтейской Канторы, московскій комиссаръ этой канторы писалъ адмиралу Апраксину, что ученики „проѣли кафтаны, но, истинно босыми ногами ходя, просятъ милостыни у иконъ“. „Ежели школѣ быть“, продолжаетъ онъ, „то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости“. Эти плутости доходили до того, что школяры организовали тайки для „разбойныхъ“ нападений на погреба обывателей. Такимъ образомъ, при сужденіи о матеріальномъ довольствѣ не слѣдуетъ особенно полагаться на официальные данныя. Однако, все это было позднеѣ, а первое время своего существованія школа, очевидно, не нуждалась въ деньгахъ. У лицъ, управляющихъ школой, была другая забота, забота о доставленіи ученикамъ нужныхъ инструментовъ. Въ вышецитированномъ письмѣ Курбатовъ пишетъ Головину: „Прибрано учениковъ со 180 человекъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариметикѣ, изъ которыхъ человекъ съ 10 учатъ радикасы и готовы совершенно въ

геометрію, только имѣемъ нужду въ лишеніи инструментовъ и если изволить, хорошо бы заповѣдать указомъ такихъ инструментовъ у города (Архангельска) не продавать всякихъ чиновъ людямъ, а брать на школы; а по письму твоей милости если вывезено будетъ 60 человѣкомъ инструментовъ, и нынѣшній годъ такимъ числомъ пробавимся безъ нужды, а впредь надобно еще отписать, чтобъ вывезено было той же науки хотя 100 человѣкомъ инструментовъ, или какъ воля твоя, для того, что въ ариѳметикѣ ученики не долго пробавятся, а въ геометріи безъ инструментовъ быти невозможно“. Такъ заботился о школѣ ея первый кураторъ; когда его не стало, времена сильно измѣнились. Въ 1709 году былъ уменьшенъ окладъ учениковъ до 4 алтынъ выспій и до гривны и 6 денегъ слѣдующій за нимъ. Съ 1713 года стали дѣлать съ этихъ окладовъ вычеты на покупку инструментовъ и „школьныя всякія починки“. Что касается до этихъ инструментовъ, то г. Бобынинъ говоритъ, что въ уцѣлѣвшихъ до нашего времени немногихъ дѣлахъ и бумагахъ говорится: ученикамъ подѣ расписку выдавались книги: ариѳметики, таблицы логарифмовъ и „книги морскихъ картинъ“ (морскіе атласы); потомъ учебныя пособія: доски (для черченія), каменные столы (аспидныя доски), карандаши и каменные перья (грифели); чертежныя и измѣрительныя инструменты, какъ-то: планныя и гантирскія шкалы (линейки), радіусы (градшоки), секторы, квадранты, ноктурналы, готовальни съ мѣдными инструментами, простые и треножные циркули и „циркули хартинные“. Радіусы, секторы и квадраты служатъ для измѣренія высотъ свѣтилъ; ноктурналы— для опредѣленія времени по наблюденіямъ звѣздъ Большой и Малой Медвѣдицъ. Часть этихъ приборовъ готовилась при школѣ, въ мастерской, а часть, какъ видимъ, выписывалась изъ-за границы. Всего этого было запасено достаточно, такъ что послѣ раздачи ученикамъ еще оставался запасъ. Выходящіе изъ школы ученики должны были сдать инструменты обратно, что они дѣлали не всегда охотно. Такъ, въ 1708 году Магницкій, донося объ инструментахъ, которые были отобраны отъ учениковъ, посылаемыхъ въ Англію, говоритъ, что нѣкоторые изъ этихъ инструментовъ остались незаписанными, „за то что обирали у нихъ на полѣ, съ великою ихъ противностью, что были пьяны и здорны“. Что касается до учениковъ, то, какъ видно изъ писемъ Курбатова, вначалѣ комплектъ былъ опредѣленъ въ 200 человѣкъ, но желающихъ было больше.

Такъ, Курбатовъ пишетъ: „А нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскія

дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою, и когда наполнится 200 человекъ, а приходится будутъ нарочные, принимаютъ ли сверхъ 200 и поколику числу совершенно быть?—прошу о томъ опредѣленію указомъ“. Былъ ли соотвѣтственный указъ, я не знаю, но г. Бобынинъ считаетъ комплектъ школы въ 500 человекъ, хотя какъ будто въ ней никогда не бывало болѣе 200. Но здѣсь очень важно то, что, по словамъ г. Бобынина, прохожденіе полнаго курса школы, а слѣдовательно и занятіе впослѣдствіи соотвѣтственныхъ должностей, не было правомъ всякаго ученика школы, но только дѣтей дворянъ, „шляхетскихъ“, дѣти же разночинцевъ назначались для занятія низшихъ должностей, и потому образованіе ихъ ограничивалось только обученіемъ чтенію, письму и счету. Въ призывѣ, обращенномъ къ дворянамъ, за успѣшное окончаніе школы была обѣщана „царская милость“ и „пріятіе чести, противъ мѣры дѣла своего“. Я не могу судить, насколько это утвержденіе справедливо; но во всякомъ случаѣ оно находится въ нѣкоторомъ противорѣчій со слѣдующимъ мѣстомъ того же автора: „Лучшіе изъ окончившихъ курсъ учениковъ математики навигацкой школы въ званіи навигаторовъ или оставлялись при школѣ для помощи учителямъ въ дѣлѣ веденія преподаванія, или отправлялись на свой или казенный счетъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ. Изъ первыхъ нѣкоторые впослѣдствіи сдѣлались настоящими учителями, вторые же отправлялись въ различныя западно-европейскія государства, гдѣ и поступали обыкновенно волонтерами на военные корабли или галеры, смотря по ряду службы, къ которой себя подготовили, то-есть въ парусный или гребной флотъ. Тамъ они оставались на службѣ по пяти и болѣе лѣтъ. Нѣкоторые прежде поступленія на практическую службу проходили еще курсы мѣстныхъ морскихъ школъ. По окончаніи практическаго наученія морского дѣла навигаторы возвращались въ Россію, гдѣ и подвергались строгому экзамену, смотря по результатамъ котораго производились въ тотъ или другой изъ низшихъ офицерскихъ чиновъ. Званіе навигаторовъ присваивалось въ официальныхъ бумагахъ не всѣмъ посланнымъ за границу ученикамъ, но только принадлежащимъ къ болѣе крупному дворянству. Происходившіе же изъ мелкаго дворянства или изъ *разночинцевъ* назывались штурмановскими учениками или просто учениками. Они содержались за границей на казенный счетъ, получая по 8 ефимковъ (7 р. 20 к.), и должны были изучать главнымъ образомъ штурманское искусство. По возвращеніи въ Россію они опредѣлялись въ штурманы“. Но если разночинцы учились только чтенію, письму и счету, то какіе же это

были штурманы? И можно ли было посылать подобных лицъ за границу? Принимая второе положеніе г. Бобынина вполне, нужно думать, что авторъ въ первомъ своемъ утвержденіи былъ не совсѣмъ точенъ, а потому слѣдуетъ считать, что хотя служебное положеніе во флотѣ для лицъ привилегированныхъ и было инымъ, чѣмъ для разночинцевъ, то тѣ и другіе въ школѣ могли одинаково окончить курсъ, т.-е. пройти всю морскую науку.

Итакъ, согласно показанію Курбатова, желающихъ учиться въ школѣ было довольно много, но это были люди разныхъ сословій, и я думаю, что въ школѣ между ними различія не дѣлали. Потомъ, когда пошли безпорядки, и когда учебное начальство стало примѣнять слишкомъ суровыя наказанія, а матеріальное положеніе учениковъ, какъ мы видѣли, стало очень печальнымъ, то, вѣроятно, сократился и пріемъ.

Возрастъ для пріема былъ установленъ тотъ же, какъ и въ славяно-греческой академіи, отъ 13 до 20 лѣтъ. Курсъ школы развивался по предметамъ опять такъ же, какъ и въ академіи. Первый классъ назывался русской школой; онъ соотвѣтствовалъ славяно-русской школѣ академіи, или, по-нашему, приготовительному классу, куда принимали не умѣющихъ читать и писать. Слѣдующій классъ назывался цифирной школой, гдѣ проходила ариметика. Здѣсь, говоритъ г. Бобынинъ, заканчивалось образованіе учениковъ школы, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ или къ „разночинцамъ“, и начиналась ихъ служебная карьера. Они назначались обыкновенно въ писаря, на низшія должности въ адмиралтейства, въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и т. п. Повторяю, что я считаю это свѣдѣніе не совсѣмъ точнымъ и думаю, что здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе. Не отрицая возможности выхода учениковъ въ практическую жизнь по окончаніи цифирной школы, я думаю, что этотъ выходъ не былъ обязательнымъ, и ученики низшихъ сословій могли оканчивать школу наравнѣ съ высшими. Слѣдующіе классы были назначены для прохожденія спеціальныхъ предметовъ. Изъ нихъ преподавалась геометрія, тригонометрія, ихъ приложеніе къ геодезіи и мореплаванію, навигація, математическая географія и часть астрономіи. Кромѣ изученія наукъ, ученики школы должны были заниматься еще военными и гимнастическими упражненіями. Преподаваніе каждого изъ введенныхъ въ школьную программу предметовъ составляло особый классъ, который представлялъ всегда какъ бы совершенно независимую отъ другихъ школу. Между преподавателями поэтому не было никакого подчиненія младшихъ старшимъ, и каждый изъ нихъ сносился по дѣламъ своего класса непосредственно съ на-

чальствомъ школы. На обязанности каждаго преподавателя лежало наблюденіе не только за ученіемъ, но и за поведеніемъ своихъ учениковъ. (Бобынинъ).

Опредѣленнаго времени для выпуска учениковъ не существовало. Выпускали во всякое время, какъ только это оказывалось нужнымъ государству для посылки ли молодыхъ людей за границу, или для замѣщенія должностей по государственной службѣ.

Вотъ все, что можно найти о навигацкой школѣ. Къ этому можно добавить, что въ дополненіе къ печатной ариметикѣ Магницкаго, вышедшей въ 1703 году, былъ изданъ въ томъ же году переводъ таблицъ Влакка подъ редакціей Якова Васильевича Брюса. Объ этомъ переводѣ я скажу подробнѣе нѣсколько дальше.

Здѣсь есть еще одна подробность: Фарварсонъ не зналъ русскаго языка, точно такъ же и его соотечественники Гвынъ и Грейсъ. Вѣроятно, они читали свои курсы по-латыни; слѣдовательно, и ученики школы должны были знать этотъ языкъ. Гдѣ и какъ они ему учились? Правда, что для математики не надо большого знанія языка, но, вѣроятно, все-таки въ русской школѣ преподавался и латинскій и англійскій языки, чтобы понимать дальнѣйшій курсъ. Не это ли обстоятельство заставило Петра быстро согласиться на то, чтобы Магницкій былъ зачисленъ учителемъ школы? Тогда онъ могъ преподавать ариметику въ низшихъ классахъ, гдѣ ученики могли въ то же время изучать или латинскій или англійскій языки.

Глава IV.

Леонтій Филипповичъ Магницкій (1669—1739).

Кто былъ Магницкій по своему происхожденію, кто были его родители, какъ онъ провелъ свое дѣтство, мы совершенно не знаемъ. Извѣстно только, что онъ родился въ 1669 г., т.-е. за 2 года до смерти царя Алексѣя Михайловича, а слѣдовательно все его дѣтство и юность протекли въ то смутное время, когда Москва волновалась и религіозными спорами и политической борьбой придворныхъ партій. Если онъ жилъ въ Москвѣ, то ему было 13 лѣтъ, когда умеръ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и началось смутное броженіе и кровавыя расправы стрѣльцовъ съ неугодными имъ боярами. Его юность была охвачена религіознымъ споромъ о пресущественіи, а въ зрѣломъ возрастѣ онъ былъ свидѣтелемъ суровой расправы Петра со стрѣльцами и партіей Милославскихъ. Мы знаемъ, что онъ былъ ученикомъ славяно - греко - латинской академіи;

но когда онъ учился въ ней? Чтобы опредѣлить это время, можно итти отъ извѣстныхъ фактовъ. Этого не могло быть до 1685 года, потому что тогда еще не было Академіи; этого не могло быть послѣ 1700 года, потому что въ 1703 году онъ, навѣрное, былъ преподавателемъ навигацкихъ школъ, а отъ 1701—1702 писалъ, или, вѣрнѣе, печаталъ свою ариметику. Но въ числѣ первыхъ учениковъ братьевъ Лихудовъ его фамилія не значится, значитъ, онъ могъ быть ученикомъ Академіи только въ промежуткѣ отъ 1686 до 1700 года. Тенерь г. Бобынинъ говоритъ: „Указывая координаты полярной звѣзды, Магницкій пользуется ея широтой и долготой, данными для 1700 года, который онъ называетъ „преходящемъ лѣтомъ“, чѣмъ и обнаруживаетъ время составленія самой статьи“. Принимая же, что свою ариметику онъ оканчивалъ въ 1700 году, надо допустить, что онъ составлялъ ее нѣкоторое время, да еще готовился къ ея составленію; на все это могли уйти годы отъ 1694—1700, или что-нибудь въ родѣ этого. Тогда мы придемъ къ необходимости допустить, что Магницкій учился въ Академіи въ то время, когда тамъ преподавали братья Лихуды, а именно онъ могъ быть среди тѣхъ 40 учениковъ, которые были присоединены къ основнымъ ученикамъ Лихудовъ въ 1686 году. На болѣе поздній годъ, мнѣ кажется, нельзя относить время поступленія Магницкаго въ школу, потому что тогда будетъ очень малъ срокъ его пребыванія въ школѣ. Я склоненъ думать, что личность Лихудовъ и ихъ основное міросозерцаніе оставили глубокій слѣдъ въ душѣ Магницкаго, а потому позволю себѣ допустить, что онъ пробылъ въ школѣ все то время, когда въ ней занимались Лихуды, т.-е. отъ 1686 до 1694 года. Такимъ образомъ, я допускаю, что Магницкій пришелъ къ Лихудамъ 17-лѣтнимъ юношей и началъ съ ними проходить сначала краткій, а потомъ полный курсъ греческой грамматики. Здѣсь является очень интересный и важный вопросъ о томъ, съ какой подготовкой поступилъ Магницкій въ школу? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ необходимо до нѣкоторой степени уяснить, къ какому классу населенія могъ принадлежать авторъ перваго учебника ариметики? Изъ всего того, что я говорилъ въ предыдущей главѣ, ясно, что Магницкій не принадлежалъ ни къ знатымъ, ни къ богатымъ людямъ; надо думать, что родители его были средними обывателями, но чисто русскаго происхожденія, о чемъ можно догадаться по слѣдующему мѣсту стиховъ въ его ариметикѣ:

„Зане разумъ весь собранъ и чинъ,
„природно русскій, а не нѣмчинъ“.

Но этой природно-русской семьи коснулись вопросы, волновавшие общество в самом конце XVII века, и под влиянием, с одной стороны, этих вопросов, а с другой—по внутренним запросам своей личности Магницкий стал читать и учиться. Я думаю, что, подобно торговцу овощного ряда Никитъ Мартынову, Магницкий в молодости стал изучать латинский язык самоучкой, и в то же время жадно читал различные книги, которые он мог достать у знакомых или на книжном рынке у Спасских воротъ. Мне кажется, что все это необходимо допустить потому, что иначе странно будетъ, почему и какъ развернулась столь оригинальная личность, личность высоко образованная по тому времени, с прочно выработаннымъ мирозерцаниемъ. Я думаю далѣе, что Лихуды произвели на юношу страшно сильное впечатлѣніе; передъ нимъ какъ бы развернулся смыслъ жизни, открылись тѣ необозримые горизонты знанія, которые являются какъ направляющая линия всей будущности человѣка. Онъ нашелъ здѣсь свое призваніе и с увлеченіемъ не только сталъ учить то, о чемъ говорили ему его учителя, но и думать о томъ, о чемъ они не говорили. Онъ жадно впитывалъ въ себя сначала краткую и полную грамматику греческаго языка, потомъ пиитику, реторику и философію. Все проходимое въ школѣ укладывалось въ его душѣ какъ гармоническое цѣлое, сливалось съ его внутренними стремленіями и запросами. Онъ находилъ здѣсь и отвѣты на тѣ вопросы, которые у него возникали, и тѣ дальнѣйшіе вопросы, которые намѣчались по мѣрѣ роста и развитія его личности. Магницкий впитывалъ въ себя основы философскаго мирозерцанія Лихудовъ, перерабатывалъ внутри себя это мирозерцаніе и создавалъ свое прочное и ясное, с которымъ и остался уже на всю жизнь. Вотъ почему я думаю, что Магницкий не сѣша прошелъ курсъ школы и былъ въ ней ученикомъ до тѣхъ поръ, пока учителями школы были Лихуды. Когда они должны были покинуть школу, то вмѣстѣ съ ними ушелъ и Магницкий, продолжая заниматься, но уже въ иной области.

Здѣсь, мне кажется, умѣстно опредѣлить, въ чемъ состояло основное мирозерцаніе автора перваго арифметическаго учебника, и почему онъ написалъ именно учебникъ арифметики, а не что-либо иное. Какъ я уже говорилъ выше, Лихуды принадлежали къ тѣмъ философамъ, которые, не отвергая пользы знанія и науки, думали, что то и другое необходимо людямъ для болѣе глубокаго и яснаго пониманія св. писанія. Они признавали философію Аристотеля, клали ее въ основаніе всѣхъ какъ бы побочныхъ наукъ: психологіи, логики, физики, но исправляли ее тамъ, гдѣ Аристотель или его толкователи вступали въ противорѣчіе со св. отцами

церкви. „Въ началѣ міра“, говорили они, „Богъ сотворилъ не одну матерію, но соединилъ ее съ нѣкоторою формою“—вотъ основа ученія Аристотеля; эту основу принимаютъ Лихуды, признають за ней право быть главной логической посылкой, имѣть значеніе непреложной истины: „Посему“, продолжаютъ они, „когда у нѣкоторыхъ св. отцовъ читаемъ, что Богъ въ началѣ міра сотворилъ нѣкоторую безформенную матерію, то подъ именемъ сей матеріи не должно разумѣть первой матеріи, лишенной всякой формы, но надобно разумѣть землю, не имѣющую еще красоты, свѣта, травъ и цвѣтовъ“. Вотъ примиреніе библейскаго сказанія и данныхъ философіи; она, эта философія, не разрушаетъ предмета вѣры, но позволяетъ глубже вникнуть въ сущность сказанія, признать за нимъ болѣе глубокій смыслъ, придать ему болѣе широкое значеніе. Отсюда ясно, что новое естественно-научное теченіе, которое ставитъ въ основу не философію Аристотеля и не св. писаніе, а изученіе явленій природы, изысканіе законовъ этихъ явленій, изысканіе, основанное на совершенно иныхъ началахъ,—все это было чуждо Лихудамъ; оно осталось чуждо и Магницкому.

Вотъ, напримѣръ, какъ онъ говоритъ о строеніи вселенной въ своей ариметикѣ.

Будетъ весь послѣдующій чинъ не извѣстенъ и не полезенъ, паче же и дѣйствовать тако безмѣстно есть, тѣмъ же о видѣ или фигурѣ міра заемше отъ учительнѣйшихъ древнихъ же и нынѣшнихъ мужей согласно мудрствующихъ, изряднѣе же отъ божественнаго писанія предлагаемъ: яко весь міръ сферовиденъ есть и шароподобное положеніе имать, яко же вси древніи философи согласно пріяша, и многими свидѣтельствами подтвердиша. Аристотель убо со всѣми естествословцы утверждая глаголетъ, всему небеси въ кругъ обитцати, и круговидну быти, такожде и высочайшую страну міра отвсюду оно быти, среднѣйшее же обдержимаго отъ

Онъ говоритъ, что ежели мы опустимъ изложеніе системы міра, то все послѣдующее не будетъ ясно и полезно, а потому такъ поступать неправильно. О видѣ и фигурѣ земли мы скажемъ то, что узнали отъ древнихъ и современныхъ философовъ, и въ чемъ они вполнѣ согласны, но особенно предложимъ отъ св. писанія. По согласному представленію философовъ, весь міръ сферовиденъ и имѣетъ шароподобное положеніе, что подтверждается многими свидѣтельствами. Такъ, Аристотель, согласно со всѣми естествословцами утверждаетъ, что небо движется по кругу и имѣетъ круговидную форму; такимъ образомъ, оно составляетъ самую высокую сто-

него мѣста, быти нижшую часть, и легкая и нетяжелая тѣлеса горѣ мѣсто имѣти: тяжкая же и низоносная нижшую страну, аже суть средняя. И глаголють равно ему отъ земли отстояти, свыше же, и отъ странъ и съ низу, еже есть по размѣренію елико есть къ нашему чувству. И сія ничтоже истины благочестія вреждають, понеже и святыи вселенныи учитель Василии Великій въ бесѣдѣ о еже въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, аще и гаждаеть вся виѣшніи философы (за еже не познавати имѣ творца сихъ и безмѣстная вводити: о еже безначальну быти міру, и самобытну) утвердительно глаголетъ: не безначальна убо мечтай челоуѣче видимая, ниже безначальное быти возмниши кругоносныхъ тѣлесъ естество, ниже бо кругъ сей равенъ глаголю образъ, отъ единыи черты обдержимый, понеже убѣгаетъ нашего чувства, ниже откуда начатся изобрѣсти можемъ, ниже на еже скончася: но аще и чувства убѣгаетъ? истинною весма отъ нѣкоего начатся, кентромъ и растоянїемъ нѣкіимъ описавый того. Такожде и Иоаннъ святыи Дамаскинъ во второй книзѣ своей во главѣ шестой о небеси догматствуя глаголетъ: небо есть обдержаніе видимыхъ же и невидимыхъ зданій: внутри бо его, умныи ангельскіи силы, и вся чувственныи заключаются и опредѣляются: и по сихъ благочестивыи вѣры догматовъ умству, есть истинно и

рону міра, а его центральная часть составляетъ низкую часть, а потому легкіи и нетяжелыи тѣла (воздухъ и огонь) находятся наверху, тяжелыи же и низоносныи внизу (въ центрѣ). Оно (т.-е. небо) равно отстоитъ отъ земли со всѣхъ сторонъ, какъ это свидѣтельствуеть наше чувство. Все это нисколько не противорѣчитъ ученію вѣры; такъ и святой вселенскій учитель Василии Великій въ бесѣдѣ о твореніи неба и земли если и порицаеть всѣхъ нехристїанскихъ философовъ (за то, что они не признають Творца всего этого и считаютъ міръ безначальнымъ и самобытнымъ), но тѣмъ не менѣе утвердительно говоритъ: не думай, о челоуѣкѣ, что все видимое не имѣеть начала, и что природа кругоносныхъ тѣлъ безначальна, ибо кругъ есть образъ (аристотельская форма), полученный какъ одна черта, и недоступный нашему чувству, и мы не знаемъ, гдѣ онъ начинаеться и гдѣ кончается; но если онъ и недоступенъ чувству, то несомнѣнно, что онъ полученъ отъ нѣкотораго центра и проведенъ опредѣленнымъ радіусомъ. Точно такъ же и святой Иоаннъ Дамаскинъ въ 6-ой главѣ 2-ой книги говоритъ о небѣ: небо есть содержаніе видимыхъ и невидимыхъ построеній: внутри его содержатся какъ умныи ангельскіи силы, такъ и чувственныи воспрїятїя. Въ силу этихъ свидѣтельствъ догматовъ православной вѣры мы можемъ

вѣрительно, и чувству нашему согласно: яко непрестанно видимъ солнце и луну и ины звѣзды, выну въ колесѣхъ между собою равно разстоящихъ носитися тако: яко въ началѣ изъ нижняго мѣста, яко же отъ земли восходятъ, потомъ паки подобіемъ общества снисходятъ долу, дондеже просто якобы спадающе въ землю самую крыются, паки же инымъ временемъ видимъ крыемая отъ многихъ началъ восходить, и заходить, и сими времени, и мѣстомъ востоковъ и западовъ, извѣстно есть, яко подобнымъ чиномъ паки на таяжде возвращатися, сие и вси наблюдающіи движенія ихъ, а паче отъ звѣздъ, яже водружены суть и неразнствуютъ между собою разстояніемъ, назирающе обрѣтають самую точку недвижимую, юже нарицають полюсь сѣверный, о немже приближніи ему звѣзды меншія сотворяють круги, далечайшія же, вящшыя круги описуютъ по подобію, дондеже за далекость отъ него нѣкимъ и подъ землю крытися, и отъ сего размѣряють и всю небесную сферу. Такожде и землю шаровидную утверждаютъ, и раздѣляютъ на многія части, о немъ же въ достойномъ мѣстѣ речено будетъ, а о круговидности небесъ и земли есть вѣрительно, и извѣстно всѣмъ намъ по чувству зрѣнія, а паче на мори плавающимъ: яко никогда же добрѣ знающіи сія облудно кораблеплаваютъ, и о семъ ни едино есть недоумѣніе у всѣхъ. О свойственномъ же

считать несомнѣннымъ указанное построеніе міра и согласнымъ съ нашимъ чувствомъ, потому что мы всегда наблюдаемъ, какъ солнце, луна и звѣзды движутся по кругамъ слѣдующимъ образомъ: вначалѣ они восходятъ изъ низшаго мѣста, какъ бы отъ земли, потомъ, обходя кругомъ, они заходятъ, какъ бы скрываются въ самую землю; кромѣ того, мы замѣчаемъ, что скрывшіяся свѣтила восходятъ и заходятъ въ разныхъ точкахъ горизонта, и знаемъ, что съ теченіемъ времени они вновь займутъ свои прежнія мѣста и будутъ измѣнять ихъ попрежнему. Всѣ наблюдатели этихъ движеній, а главнымъ образомъ тѣхъ звѣздъ, которыя какъ бы прикрѣплены и не измѣняютъ своихъ разстояній, находятъ неподвижную точку и называютъ ее сѣвернымъ полюсомъ; около этого полюса ближнія звѣзды описываютъ меньшіе круги, а болѣе далекія такіе же круги, пока мы не дойдемъ до такихъ звѣздъ, которыя скрыты подъ землею; руководствуясь этимъ, размѣряють всю небесную сферу. Точно такъ же доказывается и шаровидность земли, и раздѣленіе ея на многія части, о чемъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Въ круговидности неба и земли можно убѣдиться по чувству зрѣнія, особенно на морѣ.

А потому никогда люди, знающіе это, не ошибаются при кораблевожденіи, и никто въ этомъ

мѣстѣ земли аще и различно мудрствуютъ ложеніе ея естественно быти, обаче намъ сія ихъ несогласія ничтоже препятія приносятъ въ наукахъ о нихъ же тщимся, и сего ради о мѣстѣ ея идѣже ложеніе имать глаголати оставляемъ, приемше круговидность токмо земли, такожде и круговидное небесе состояніе, якоже выше, солнца же и луны и прочихъ звѣздъ подобное движеніе и вся сѣферы небесе и земли въ колико колесъ и каждаго колесе во множайшія и древнѣйшія части сѣченіе (стр. 611 и наобор.).

не сомнѣвается. О положеніи же земли въ пространствѣ люди думаютъ различно; но для насъ ихъ несогласія не будутъ имѣть значенія, такъ этотъ вопросъ мы не будемъ разсматривать, принявши только круговидность земли и круговидность неба, а также солнца, луны и прочихъ небесныхъ тѣлъ круговидное движеніе, а также раздѣленіе круга движенія каждой планеты на части.

Я привелъ подлинный текстъ автора и свое изложеніе этого текста, такъ какъ мнѣ хотѣлось пояснить мысль современнымъ языкомъ. Вчитываясь въ этотъ текстъ, мы видимъ, съ одной стороны, подтвержденіе и развитіе ученія Лихудовъ по физикѣ, и съ другой—то, о чемъ я говорилъ выше: авторъ строитъ свое сужденіе на взглядахъ Аристотеля, подкрѣпляетъ его мнѣнія изъ св. писанія и устанавливаетъ такимъ образомъ незыблемость своей философской точки зрѣнія, которую въ дальнѣйшемъ какъ бы провѣряетъ по чувственнымъ фактамъ. Находя полное совпаденіе во всемъ этомъ, онъ считаетъ свое ученіе правильнымъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что совершенно того же метода держался и Ломоносовъ, а потому можемъ признать, что этотъ методъ изложенія есть именно то, что выработала русская наука въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь есть для Магницкаго одинъ опасный вопросъ, вопросъ о положеніи земли въ пространствѣ и ея движеніи. Мы уже видѣли, что Теофанъ Прокоповичъ не колебался признать систему Коперника, а потому самый вопросъ нельзя признать чуждымъ русской наукѣ; но онъ неудобенъ для автора ариеметики, ибо нарушаетъ стройность его теоріи, заставляетъ уклониться отъ простой и ясной картины видимаго движенія небеснаго свода. Въ силу этого авторъ оставляетъ его безъ разсмотрѣнія, справедливо указывая, что при намѣченныхъ имъ предѣлахъ изученія вопроса нѣтъ надобности входить въ большія подробности. Но какъ онъ самъ думалъ по этому поводу? Признавалъ ли онъ новѣйшія астрономическія откры-

тія, законы Кеплера, новую механику Ньютона или оставилъ всѣ эти вопросы безъ разсмотрѣнія? Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я укажу на то, что сочиненія знаменитыхъ ученыхъ Запада не были неизвѣстны и чужды русской наукѣ. Помимо проповѣди Теофана, можно указать еще на слѣдующее: въ 1716 году Яковъ Брюсъ поднесъ государю переводъ Христофора Гюйгенса „Книга мірозрѣнія или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и ихъ украшеніяхъ“ *). Этотъ фактъ показываетъ, что Брюсъ занимался Гюйгенсомъ, и если онъ приготовилъ для печати его сочиненія въ 1716 году, то съ самымъ сочиненіемъ былъ знакомъ много раньше. Магницкій въ своей ариметикѣ впервые (для русской и иностранной литературы) приводитъ градусы широты и долготы Москвы, Кіева, Архангельска и Астрахани **). Трудно думать, чтобы эти градусы были получены имъ изъ собственныхъ измѣреній; всего вѣроятнѣе, что онъ заимствовалъ ихъ у того же Брюса, который во время азовскихъ походовъ Петра производилъ географическія съемки. Онъ былъ знакомъ съ Брюсомъ, а слѣдовательно, былъ и хорошо освѣдомленъ о новомъ теченіи въ области естествознанія. То, что онъ былъ знакомъ съ Брюсомъ, можно видѣть изъ того, что во 2-мъ изданіи таблицъ Влака сказано между прочимъ: „Гисневію преданы въ Москвѣ вторымъ типомъ, первѣе же нынѣ въ гражданской типографіи: подъ надзрѣніемъ Господина генералъ фельдцейхъмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса“, а потомъ уже идутъ имена учителей Оарварсона, Гвына и Леонтія Магницкаго. Но онъ не только былъ знакомъ съ Брюсомъ, но и зналъ ученіе Коперника, что можно видѣть изъ того, что въ гравюрѣ „Новый способъ ариметики оеорики или зрительныя, сочиненъ вопросами ради удобнѣйшаго понятія и изданъ Вас. Кипріяновымъ“; нарисовано изображеніе между прочимъ и Коперника. Эта гравюра была издана въ томъ же 1703 году и не могла не быть извѣстна Магницкому. Опредѣляя горизонтъ, Магницкій говоритъ: „Словомъ же зримый горизонтъ есть, иже даже до видѣнія недвижимыхъ звѣздъ сферы достигаая и раздваяя весь міръ“. Это „видѣніе неподвижныхъ звѣздъ“ показываетъ, что земля движется, а звѣзды неподвижны.

Однако, онъ самъ оставался вѣрнымъ послѣдователемъ школы Лихудовъ и системы Аристотеля. На него можно смотрѣть какъ на послѣдняго и наиболѣе выдающагося сторонника отживающихъ философскихъ ученій въ Россіи. Непосредственный его преемникъ и, можно сказать, ученикъ Михайло Ломоносовъ уже далеко шагнулъ впередъ, опередивъ не только русскую, но и западную науку.

*) Пыпинъ, стр. 359.

**) Бобынинъ. VIII, 2-ая четв., стр. 137. 1889 г.

Установивши такой взгляд на Магницкаго, намъ становится понятнымъ, почему онъ написалъ свою ариметику. Какъ я уже говорилъ выше, по справедливому замѣчанію г. Бобынина, ариметика была имъ написана до открытія навигацкой школы, а слѣдовательно, и внѣ зависимости отъ потребностей этой школы; это же ясно слѣдуетъ изъ всего содержанія стиховъ на гербъ и изъ предисловія. Въ стихахъ на подлежащій гербъ Магницкій перечисляетъ тѣ области знанія и практической жизни, въ которыхъ необходимо знаніе ариметики, и заканчиваетъ это перечисленіе возможностью для всякаго пріобрѣсти это знаніе изъ его книги.

„И мною азъ яко то имать быть
что самъ себе всякъ можетъ учить.“

Въ предисловіи онъ вновь возвращается къ этой мысли и говоритъ: „Яко да всякъ усердствуя, можетъ извѣстно во всякихъ случаяхъ недоумѣніе въ числахъ разрѣшати, насмотряся приличныхъ заданій въ нашемъ собраніи“. Такимъ образомъ, можно считать несомнѣннымъ тотъ фактъ, что ариметика Магницкаго не есть школьный учебникъ, составленный по какой-либо школьной программѣ, а есть книга для чтенія, изъ которой читатель можетъ почерпнуть тѣ знанія, „ихъ же всякого чина человѣкомъ не потребно есть презирати, зане естественно украшаютъ внутреннѣй челоуѣка зѣло, и просвѣщаютъ умъ ко пріятію множайшихъ наукъ, и высочайшихъ, и отъ разсужденія видимаго зданія, является всемогущество Божіе, и чудесная его неизслѣдимая и неопредѣленная премудрость, и отъ твари творецъ познаваемъ, и удивляемъ паче бываетъ“.

Принявши все это въ соображеніе, перенесемъ мысленно ко времени Магницкаго, а именно къ послѣднимъ годамъ XVII вѣка, когда Лихуды составили и издали свои лекціи по логикѣ, грамматикѣ, психологіи и физикѣ, когда со всѣхъ сторонъ, какъ бы изъ всѣхъ угловъ жизни, подымаются новыя требованія, растутъ и возникаютъ новые вопросы, а вмѣстѣ съ ними мѣняется жизнь, нарождаются новые люди; эти люди говорятъ о западной наукѣ, хвалятъ западныхъ ученыхъ, выдвигаютъ новые авторитеты мысли и религіи. Можно ли остаться хладнокровнымъ зрителемъ этого общественнаго теченія?

Неужели нужно согласиться съ тѣмъ, что въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть ничего, что бы стало вровень съ западною жизнью, нѣтъ никакого отзвука на это новое теченіе мысли? Очевидно, нужно показать, что Россія, какъ и Западъ, можетъ обсуждать тѣ же вопросы, судить о тѣхъ же научныхъ требованіяхъ,

говорить тѣмъ же языкомъ, который принять среди западныхъ ученыхъ. Но какъ показать это? Перевести иностранные учебники и книги философскаго содержанія? На этотъ именно путь и стали многіе ревнители русскаго просвѣщенія во главѣ съ императоромъ. Однако, этотъ путь не единственный и не наилучшій. Онъ нехорошъ потому, что, идя по этому пути, мы отвергаемъ всю ту многовѣковую русскую культуру и русское научное знаніе, которыми жила Россія до сего времени. Надо сдѣлать нѣчто иное: надо показать силу „природно-русскаго“ разума, надо найти связь между новымъ знаніемъ и старымъ міровоззрѣніемъ; надо показать, что старое русское міровоззрѣніе не только можетъ, но и должно служить точкой опоры для новыхъ научныхъ изысканій. По этому пути шли Лихуды, но область ихъ мысли сосредоточена была главнымъ образомъ на вопросахъ вѣры и на тѣхъ филологическихъ и философскихъ изысканіяхъ, которыя съ ней соприкасаются. Осталась безъ всякаго разсмотрѣнія обширная математическая область, которая, помимо своей внутренней цѣнности, помимо своего практическаго значенія, имѣетъ еще и ту цѣнность, что является основой естествознанія, которое ясно движется впередъ мощными шагами, завоевывая себѣ доминирующее значеніе. Изъ этого ясно, что для того, чтобы не отстать отъ вѣка, чтобы помочь ищущимъ знанія, необходимо составить книгу, въ которой бы совмѣщалось это новое теченіе мысли, но совмѣщалось бы согласно установившимся религіознымъ требованіямъ. Магницкій былъ не только религіозенъ, но онъ былъ православнымъ по сущности своего міровоззрѣнія; за свое вѣроученіе онъ готовъ былъ пожертвовать не только матеріальными благами, но отдать и самую жизнь, но въ то же время это былъ человѣкъ науки съ ясной, логическистройной мыслию, въ которой каждое явленіе должно было имѣть опредѣленное мѣсто съ логически установленнымъ основаніемъ своего положенія. Мы уже видѣли, какъ онъ связываетъ научныя данныя съ ученіемъ отцовъ церкви; покажемъ теперь, какъ онъ относится къ религіи. Это всего яснѣе можно видѣть изъ разсмотрѣнія отношенія Магницкаго къ ереси Тверитинова. Здѣсь нужно сказать, что самое дѣло о Тверитиновѣ возникло по инициативѣ Магницкаго, который чисто принципиально возмущился его ученіемъ и проповѣдью, возненавидѣлъ какъ личнаго врага самого Тверитинова, котораго какъ будто онъ раньше совершенно не зналъ, и поставилъ себѣ цѣлью его погубить. Трудно сказать, почему Магницкій такъ возненавидѣлъ Тверитинова, но несомнѣнно, что ненависть была глубокая и страстная. Когда все дѣло по указу Петра было передано въ Петербургъ, куда были вызваны и всѣ

свидѣтели обвиненія, Магницкій явился къ своему непосредственному начальству, адмиралу Апраксину, и здѣсь, по словамъ Магницкаго, произошло слѣдующее. Апраксинъ поѣхалъ къ сенатору Юрію Нелединскому, чтобы переговорить объ этомъ дѣлѣ, которое въ Петербургѣ вызвало большіе разговоры, очевидно, неблагопріятные для Стефана и его партіи, и общее мнѣніе было таково, что возникшее дѣло очень серьезно, что еще неизвѣстно, на чью сторону встанетъ царь, и кто пострадаетъ, но что во всякомъ случаѣ не обойдется безъ крови, т.-е. казней. Адмиралъ плакалъ и говорилъ, что многія невинныя и прекрасныя души погибаютъ, и что онъ навѣрное знаетъ, что передъ царемъ Стефанъ и его партія оклеветаны, какъ бунтовщики. Этотъ темный намекъ на нерасположеніе царя къ блюстителю патріаршаго престола легко объясняется тѣмъ, что какъ разъ въ это же время возникъ знаменитый споръ между Теофаномъ Прокоповичемъ и Теофилактомъ Лопатинскимъ, въ которомъ лютерская ересь была также поставлена на видъ. Связь между этими двумя событіями очевидна, и весь вопросъ грозилъ принять очень серьезные размѣры, въ которыхъ участникамъ побѣжденной партіи грозили суровыя кары. Адмиралъ, очевидно, былъ на сторонѣ Стефана и Магницкаго, но былъ одинокъ и очень боялся, что имъ придется дорого заплатить за свои идеи.

При личномъ свиданіи съ Магницкимъ между ними произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ.

Адмиралъ. Для чего ты вступилъ въ дѣло не по своей должности, ты не попъ, не архимандритъ, а въ церковное дѣло вступаешь, что тебѣ за нужда?

Магницкій. Первая нужда, государь, по увѣщаніи матери нашей Св. Церкви свидѣтельствовать; другая, что и моя должность есть, адмиралъ...

Адмиралъ. Да какая у тебя должность?—ты не митрополитъ, не иный архіерей?

Магницкій. Христосъ Спаситель не митрополитомъ или другимъ аріереемъ, но обще всякому христіанину рече: „иже нѣсть со мною, на мя есть, и иже не собираетъ со мною, расточаетъ“; и ежели кто и плотскую чью мать начнетъ ругати, и за то родные ея сынове должны стояти, а они, еретики, вѣчную нашу мать, Церковь Святую, поносятъ несносными хулами, въ которой церквѣ мы надѣемся въ будущемъ вѣцѣ житіе во вѣки вѣковъ; того ради, какъ за ню не стояти?

Адмиралъ. Да ты послѣдній человѣкъ и не того чина, а сіе должно чинити великимъ людямъ.

Въ отвѣтъ на это Магницкій представилъ адмиралу картину управленія кораблемъ и обязанности каждаго матроса во время опасности исполнять свой долгъ не за страхъ, а за совѣсть. Очевидно, твердость Магницкаго и его аргументы убѣдили адмирала, и онъ въ послѣдствіи на засѣданіи Сената много поддерживалъ обвинителей. Но дѣло не въ томъ, а изъ этого разговора видно, что Магницкій былъ маленькой личностью, которой грозили серьезныя непріятности изъ-за того, что онъ влутался не въ свое дѣло. Эти непріятности не были для Магницкаго неожиданными, а потому самый фактъ, что онъ выступилъ активнымъ обвинителемъ Тверитинова, рисуеть намъ его, какъ человѣка стойкаго, идейнаго, не колеблющагося за правду лишиться матеріальныхъ благъ. Въ то же время это былъ человѣкъ горячій и несдержанный; его пріятели убѣждали его сдержать себя, когда онъ будетъ давать показанія передъ Сенатомъ: „чтобы по своему острожелчгю кого изъ знатныхъ въ Сенатѣ не обезчестилъ и говорилъ бы со смиреніемъ“, что такое поведеніе необходимо для самаго дѣла, потому что: „да не когда къ чему ни есть привязавшеся, въ церковномъ дѣлѣ учиняеть замѣшательство, и будешь ты вина тому замѣшанію, да и самъ прежде всѣхъ погибнешь“. А погибнуть было ему легко, потому что въ Петербургѣ на него смотрѣли настолько косо, что на первое собраніе Сената его взяли изъ церкви какъ бы подъ арестъ, такъ что окружающіе „прилежно, яко на осужденнаго смотрѣли“.

Если мы теперь эту стойкость, проявленную въ дѣлѣ Тверитинова, поставимъ въ связь съ приведеннымъ въ предыдущей главѣ отзывомъ Курбатова о столкновеніи Магницкаго съ англичанами, то передъ нами во весь ростъ встанетъ личность этого человѣка. Правдивый, хотя нѣсколько рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, онъ не стѣснялся величиной тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось бороться, и смѣло стоялъ за то, что ему казалось правдой. Тамъ онъ порицалъ англичанъ за ихъ нерадивое отношеніе къ дѣлу, здѣсь онъ встаетъ въ защиту церкви; но въ обоихъ случаяхъ онъ ставитъ на карту не только свое благополучіе, но и самую жизнь.

Кромѣ того, изъ приведеннаго мѣста рукописи Магницкаго по дѣлу Тверитинова ясно видно, что авторъ былъ убѣжденнымъ исповѣдникомъ православной церкви; это еще болѣе ясно можно видѣть изъ той талантливой рѣчи, которую онъ произнесъ въ Сенатѣ, выступая безжалостнымъ обвинителемъ новаго ученія. Онъ приводитъ свою рѣчь въ рукописи, и, читая ее, можно догадаться, насколько сильное впечатлѣніе она произвела на слушателей. Я думаю даже такъ, что если все дѣло въ сенатѣ окончилось благополучно для Стефана и его партіи, то именно благодаря Магницкому. Оче-

видно, Петръ былъ очень недоволенъ возникшимъ религіознымъ дѣломъ, а быть-можетъ, онъ видѣлъ въ немъ и порицаніе своихъ личныхъ взглядовъ и своего личнаго міровоззрѣнія, какъ думаютъ нѣкоторые позднѣйшіе авторы. Такъ, напримѣръ, г. Пыпинъ говоритъ, что Стефанъ, обвиняя Тверитинова, косвеннымъ образомъ обвинялъ и самого царя. Было ли это такъ, сказать трудно; изъ записки Магницкаго какъ будто можно сказать, что не самъ Стефанъ лично, а скорѣе Магницкій былъ главнымъ обвинителемъ Тверитинова, а тогда, если мнѣніе г. Пыпина вѣрно, то Магницкому грозило и жестокое наказаніе, ибо съ нимъ, какъ съ чело-вѣкомъ маленькимъ, считаться бы не стали и, не трогая Стефана, но покарать Магницкаго, ясно бы показали всѣмъ, какъ несвое-временно и опасно подымать вопросы вѣры. Самъ Петръ не присутствовалъ въ Сенатѣ, но тамъ были два „шпики“, которые доносили ему о всемъ, что дѣлалось и говорилось. Такъ вотъ я и думаю, что горячая, убѣжденная и талантливая защита обвиненія, сдѣланная Магницкимъ, повліяла не только на слушателей, но и на самого царя. Партія обвиненія получила нѣкоторое удовлетво-реніе, но Магницкій признанъ былъ опаснымъ и его оставили въ Москвѣ, когда товарищи его, англичане, были приведены въ Пе-тербургъ. Мнѣ очень жаль, что за краткостью мѣста я не могу привести этой рѣчи Магницкаго, изъ которой видно, что авторъ ариометики былъ въ то же время очень ученымъ богословомъ и талантливымъ ораторомъ, Однако, не приводя рѣчи, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о запискѣ Магницкаго. Она оза-главлена такъ: „Записка Леонтія Магницкаго по дѣлу Тверити-нова“ и начинается обращеніемъ: „Пречестнѣйшій и Благоговѣн-нѣйшій Святый Отецъ“. Она напечатана, при чемъ печатный текстъ ея составленъ по двумъ рукописямъ изъ собранія князя В. В. Вяземскаго. Изъ этого обращенія и изъ того факта, что записка имѣется въ двухъ рукописяхъ, слѣдуетъ, что она пред-ставляла собою нѣкоторое литературное произведеніе, которое лю-бители списывали себѣ не столько для сужденія о дѣлѣ Тверити-нова, а скорѣе какъ научный источникъ для возраженій по поводу разныхъ вопросовъ и сомнѣній. Списывая, они опускали имя того „святого отца“, кому была написана эта записка. Но это имя, очевидно, было, потому что Магницкій начинаетъ такъ: „Благо-дарствую за ваши ко мнѣ любительная и курioзная писанія, ими же требуете отъ мене ведомости, что чинится или учинися по делу православнаго архиерея великаго стефана митрополита ря-занскаго и муромскаго и прочихъ православныхъ свидетѣлей съ еретиками дмитриемъ тверитиновымъ стоварищи, противъ которыхъ

вашихъ писаній доселе неответствовахъ, того ради, понеже не знахъ всего состоянія оного дѣла, и тѣхся любопытно подлинно уведать не токмо яже суть въптербургѣ, но яже и въ москвѣ дѣйства быша, и откуда, и како начало оное дело восприяло, дабы было вамъ ведомо съ начала и до конца подлинно, и елико могъ уведомихся черезъ достовѣрныхъ самовидцевъ и свидетелей втомъ дѣлѣ бывшихъ, по возможности вамъ съ божіею помощію объявляю“.

Я привелъ столь длинную выписку, чтобы, съ одной стороны, подтвердить въ ней фактъ, что Магницкій не былъ раньше знакомъ съ Тверитиновымъ, а познакомился съ нимъ тогда, когда уже дѣло приняло очень серьезное значеніе. Съ другой стороны, я хочу обратить вниманіе читателя на орфографію. Это писалъ Магницкій позже 1713 года, и мы видимъ здѣсь большую разницу въ начертаніи словъ сравнительно съ его ариметикой. Въ ариметикѣ онъ правильно ставитъ букву „ѣ“, здѣсь онъ ее употребляетъ случайно, по старой привычкѣ. Въ ариметикѣ онъ ставитъ „і“ тамъ, гдѣ оно полагается, и еще тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, не русское слово, а иностранное; такъ, онъ пишетъ „аріѳметіка“, „логіетіка“; здѣсь онъ какъ бы совершенно изгоняетъ эту букву и вездѣ пишетъ „и“ (восьмеричное). Эта подробность имѣетъ значеніе для характеристики личности. Я думаю, что въ свое время, когда Магницкій писалъ арифметику, когда онъ былъ преподавателемъ навигацкой школы, онъ былъ передовымъ человекомъ общества, рѣзко отличаясь отъ консервативнаго обывателя, склоннаго къ старой вѣрѣ, къ сохраненію старыхъ традицій, къ сохраненію тѣхъ формъ и того уклада жизни, которую ему, обывателю, завѣщала святая старина. Въ силу этого либерализма Магницкій былъ на сторонѣ первыхъ реформъ Петра; онъ привѣтствовалъ и гражданскій прирѣтъ, и новое начало года, и изгнаніе изъ обращенія лишнихъ буквъ алфавита. Но жизнь опередила автора арифметики, и въ дѣлѣ Тверитинова онъ явился самъ въ числѣ тѣхъ, кто можетъ назваться отсталыми людьми. Новое міровоззрѣніе, въ которомъ на мѣсто догматовъ вѣры было поставлено изученіе природы и ея явленій, осталось чуждымъ защитнику реформъ, и онъ съ ужасомъ, съ ненавистью, со всей горячностью своей пылкой натуры возстаетъ противъ этого новаго теченія. Очевидно, что дѣло было не въ самомъ Тверитиновѣ, даже не въ томъ, что онъ говорилъ, а въ чемъ-то иномъ, болѣе важномъ и болѣе глубокомъ. Въ дѣлѣ Тверитинова есть одна подробность, которая останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя. Какъ я уже говорилъ, дѣло возникло изъ-за ссоры Теофилакта Лопатинскаго и Іоасафа Томиловича съ

учениками школы; ректоръ и префектъ задержали деньги, выданные для раздачи ученикамъ. На это были принесены жалобы Стефану, и онъ распорядился эти деньги выдать. Представителемъ отъ учениковъ былъ ученикъ класса философіи Иванъ Максимовъ; противъ этого Ивана и возникло обвиненіе въ лютерской ереси, непочитаніи иконъ. Иванъ Максимовъ былъ переданъ въ Духовный приказъ, гдѣ подъ пыткой и сознался въ своихъ преступленіяхъ и оговорилъ нѣкоторыхъ лицъ. Но когда дѣло перешло въ Сенатъ, то онъ показалъ, что все это имъ было сдѣлано потому, что онъ не перенесъ пытки, и что все его показаніе ложно. Кроме того, на показаніи Тверитинова Иванъ написалъ: „какъ де онъ въ нынѣшнемъ 713 году былъ держанъ въ Духовномъ Приказѣ... (то) въ то же время писалъ онъ, Иванъ, просительное письмо къ богословскому учителю іеромонаху Іоакиму Богомадлевскому, который живетъ въ Спасскомъ монастырѣ, чтобы онъ объ немъ просилъ архимандрита... и префекта... о свободѣ его изъ Духовнаго Приказу; и по тому де письму готъ учитель Іоакимъ приходилъ отъ него, архимандрита Лопатинскаго, и префекта Томиловича къ нему, Ивану, въ Духовный Приказъ по многіе дни и говорилъ ему, чтобы онъ сказалъ на Дмитрія Тверитинова и написалъ бы на него доношеніе, что онъ держится лютеранской вѣры, что де онъ освобожденъ будетъ и попрежнему взять будетъ въ школу“. Какъ бы ни разсматривать это показаніе Максимова, но оно проливаетъ свѣтъ на то, почему все дѣло получило названіе дѣла Дмитрія Тверитинова, и почему онъ самъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Дмитрій Тверитиновъ, какъ можно судить по дѣлу, былъ въ Москвѣ видной личностью; кроме того, на него имѣлъ принципиальный зубъ его шурина, инокъ Пафвутій, а потому Тверитинова хорошо знали въ Спасскихъ школахъ. Когда возникло самое дѣло школьника Максимова, то стало возможнымъ свести счеты и съ Тверитиновымъ, съ которымъ, быть-можетъ, самъ Лопатинскій имѣлъ разговоръ и теперь увидалъ, что обвиненіе Максимова есть въ то же время и обвиненіе Тверитинова. Если бы Тверитиновъ былъ индивидуальной личностью съ нѣскольکو оригинальнымъ взглядомъ на религію, то, конечно, нечего было и привлекать его къ дѣлу, которое (а это и тогда уже было видно) чревато небезопасными послѣдствіями. Но въ Тверитиновѣ видѣли представителя новаго и опаснаго теченія, къ которому склонялся и самъ царь, которое сквозило въ проповѣдяхъ кіевского проповѣдника, къ которому примыкали видные представители родовой аристократіи. Надо было возстановить истину, обличить заблуждающихся, а потому необходимо было поднять обвиненіе противъ по-

пулярнаго въ Москвѣ лѣкаря. Толки среди академиковъ не были чужды Магницкому, который, очевидно, посѣщалъ учителей и былъ съ ними очень друженъ. Онъ раздѣлялъ ихъ взгляды и ихъ опасенія и по пылкости своей натуры обрушился на Тверитинова со всей энергіей увлекающагося человѣка.

Въ чемъ же состояло это новое теченіе? Что было въ немъ столь ужаснаго, вслѣдствіе чего можно и нужно было поставить на карту собственное благополучіе? Мнѣ кажется, что въ основѣ оно имѣло ту идею, что человѣческій разумъ выше церковнаго ученія. Если братья Лихуды и Магницкій стремились согласовать ученіе святыхъ отцовъ съ естествознаніемъ, то Дмитрій Тверитиновъ думалъ, что ученіе святыхъ отцовъ даже въ области церковныхъ вопросовъ слѣдуетъ подвергнуть критикѣ и анализу и принять изъ него только то, что согласно съ выводами разума. Та и другая сторона уже признала, что языкъ священнаго писанія нужно понимать символически, а не буквально. Лихуды и Магницкій, приводя тексты Библии, толковали ихъ, кладя въ основу толкованія не значеніе употребленнаго слова, а тотъ образъ или ту идею, которую это слово содержитъ. Напримѣръ, слово „день“ въ твореніи міра надо понимать не какъ время, протекшее отъ восхода до захода солнца, а какъ періодъ, продолжающійся, быть-можетъ, тысячи лѣтъ. Но, понимая слова символически, они искали раскрытія этихъ символовъ въ твореніи святыхъ отцовъ и учителей церкви, тогда какъ Тверитиновъ искалъ этого раскрытія въ явленіяхъ природы и тѣхъ логическихъ слѣдствій, которыя отсюда вытекаютъ. И вотъ это признаніе разума человѣческаго и его авторитета вмѣсто авторитета церкви и дѣлало новое ученіе непріемлемымъ и враждебнымъ для лицъ стараго міровоззрѣнія. Я думаю, что Тверитиновъ и его послѣдователи совершенно искренно признавали себя православными; они не видѣли никакого смысла стоять за свои слова о непочитаніи иконъ; это былъ только академическій, но не религіозный споръ. Ученіе было предметомъ ихъ мысли, но не ихъ вѣры. Противники настойчиво укоряли ихъ именно въ вопросѣ о вѣрѣ, о колебаніи церкви, но они не могли привести тѣхъ аргументовъ, которые бы поколебали то, что скрывалось за этими словами и за этимъ споромъ. Библия была точкой опоры для тѣхъ и другихъ, но толкованіе Библии было разное. Съ какимъ бы краснорѣчіемъ Магницкій ни доказывалъ, что самъ Богъ, по библейскому сказанію, освятилъ поклоненіе своему изображенію, онъ не могъ поколебать того, что есть исповѣдники, именуемые лютеранами, которые этого не признаютъ. Чтобы поколебать это, чтобы доказать Тверитинову его заблужденіе, онъ дол-

женъ былъ написать ученый богословскій трактатъ, гдѣ бы ясно было доказано заблужденіе лютеранъ. Вотъ почему, съ одной стороны, совершенно правильно было названо новое ученіе „лютерская ересь“, а съ другой—записку Магницкаго и нужно разсматривать если не какъ ученый трактатъ, то какъ популярное сочиненіе, направленное къ опроверженію того, что написано Тверитиновымъ въ его тетрадяхъ. Собственно все это есть маленький эпизодъ большого движенія, которое извѣстно въ литературѣ и захватило видныхъ представителей церкви. Но здѣсь именно важно то, что оно не было чуждо и среднему обывателю, а главное то, что даетъ лишнюю подробность къ характеристикѣ автора ариеметики.

Мнѣ кажется, что на этомъ фонѣ можно себѣ представить Магницкаго какъ педагога. По сохранившимся біографическимъ даннымъ, онъ былъ опредѣленъ въ школу навигацкихъ наукъ ранѣе 1703 года, по предложенію завѣдующаго школой Головина, по рекомендаціи Курбатова. Первоначальное положеніе его въ школѣ было невысокимъ, какъ я уже говорилъ выше; судя по жалованью, онъ былъ нѣчто въ родѣ мастера. Вѣроятно, онъ преподавалъ въ приготовительномъ классѣ „русской школы“ и, быть-можетъ, въ первомъ. Однако, изъ письма Курбатова слѣдуетъ, что фактически его положеніе въ школѣ было гораздо болѣе важнымъ. Можно думать, что на первыхъ порахъ все обученіе легло на Магницкаго, и не только обученіе, но всѣ тѣ школьныя мелочи и заботы, которыя неизбежны при новой организаціи школы,—все это легло на Магницкаго. Тѣмъ болѣе, что пріѣзжіе англичане, особенно на первыхъ порахъ, очевидно, плохо разбирались въ русской дѣйствительности. Не зная языка, не зная русскихъ обычаевъ, въ смутную пору только-что начавшейся, и начавшейся неудачно для русскаго оружія, войны, они, очевидно, были какъ въ лѣсу, не зная ни что имъ дѣлать, ни куда обратиться. Ихъ соотечественникъ Креветъ не могъ имъ много помочь, потому что стоялъ далеко и отъ школы и отъ того учрежденія, которое вѣдало школою. Присутствіе Магницкаго мало помогало дѣлу, потому что онъ, будучи безправнымъ элементомъ, самъ ничего не могъ сдѣлать, а черезъ него англичане не считали удобнымъ что-либо сдѣлать. Въ силу этого между Магницкимъ и англичанами установились вначалѣ весьма натянутыя отношенія. Въ этихъ натянутыхъ отношеніяхъ вельзя винить ни Магницкаго, ни англичанъ; они создались просто изъ факта неорганизованности школы и изъ того положенія участвующихъ лицъ, которое какъ-то создалось само по себѣ. Здѣсь Магницкій явился какъ бы въ роли фискала, который пере-

давалъ Курбатову всѣ подробности школьной жизни, а такая роль русскаго человѣка, конечно, казалась англичанамъ неудобной. Примирителемъ, я думаю, явился Брюсъ, который и сдѣлалъ возможной совмѣстную работу этихъ лицъ, и они могли полнѣе оцѣнить взаимное достоинство другъ друга. Факту этихъ недоразумѣній какъ будто противорѣчить совмѣстное изданіе логариѳмическихъ таблицъ Влака, какъ это утверждаетъ г. Бобынинъ, основываясь на второмъ изданіи этихъ таблицъ. Съ своей стороны, я склоненъ думать, что помѣтка второго изданія не соответствуетъ первому. Мнѣ кажется, что дѣло было такъ. Когда англичане ознакомились съ тѣми учениками, которые къ нимъ поступили, и съ той обстановкой, въ которую они попали, то увидали, что въ школѣ есть крупный дефектъ—отсутствіе логариѳмическихъ таблицъ, безъ которыхъ прохожденіе высшаго курса математики невозможно. Ссылаясь на этотъ дефектъ школы, они оправдывали свое ничегонедѣланіе, когда по жалобѣ Курбатова имъ поставили этотъ упрекъ. Тогда Кипріановъ вмѣстѣ съ Магницкимъ перепечатали логариѳмическія таблицы Влака въ ихъ числовомъ видѣ. Эта перепечатка, озаглавленная: „Таблицы логариѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ, сѣкансовъ къ наученію мудролюбивыхъ тшателей напечатанная повелѣніемъ благочистивѣйшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича, вся великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. При благороднѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князя Алексіи Петровичѣ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7211, отъ рождества же по плоти Бога слова 1703 года, индикта 11, мѣсяца мая“, была издана Кипріановымъ подъ редакціей Магницкаго. Потомъ въ 1716 году, когда понадобилось новое изданіе, она была пополнена и проредактирована Фарварсономъ и Гвиномъ и тогда получила то полное названіе, которое и приведено въ этомъ второмъ изданіи. Что англичане не участвовали въ первомъ изданіи, это слѣдуетъ и изъ церковно-славянскихъ буквъ и церковно-славянской нумераціи страницъ, наконецъ, и изъ того, что авторы не указаны въ сочиненіи, даже не сказано типографія. Очевидно, это было спѣшное изданіе исключительно для нуждъ школы. И любопытно то, что книга издана въ маѣ 1703 года, а письмо Курбатова относится къ позднѣйшимъ мѣсяцамъ, такъ какъ онъ пишетъ, что „по 16 іюля принято въ школу 200 человѣкъ“. Значить, когда издавалась книга, то между авторами накапливались недоразумѣнія и создавалась тяжелая атмосфера совмѣстной жизни. Если мое предположеніе справедливо, то въ Магницкомъ мы видимъ человѣка, преданнаго интересамъ

школы и зоботящагося о ея нуждахъ. Онъ издаетъ таблицы Влака, онъ заботится о приобрѣтеніи достаточнаго количества инструментовъ. Курбатовъ въ томъ же 1703 году пишетъ Головину: „только имѣемъ нужду въ лишеніи инструментовъ, и если изволить, хорошо бѣ заповѣдать указомъ, такихъ инструментовъ у города (Архангельска) не продавать всякихъ чиновъ людямъ, а брать на школы; а по письму твоей милости если вывезено будетъ 60 человѣкомъ инструментовъ, и нынѣшній годъ такимъ числомъ пробовится безъ нужды, а впредь надобно еще отписать, чтобы вывезено было той же науки хотя 100 человѣкомъ инструментовъ, или какъ воля твоя, для того, что въ ариѳметикѣ ученики не долго пробоваться, а въ геометріи безъ инструментовъ быть невозможно“. Во всѣхъ этихъ подробностяхъ видна забота Магницкаго, отъ котораго только и могъ узнать Курбатовъ о нуждахъ школы. Въ 1708 году Магницкій отбираетъ инструментъ отъ учениковъ, посылаемыхъ въ Англію, и пишетъ: „отбирали у нихъ на полѣ съ великою ихъ противностію, что были пьяны и здорны“. Очевидно, что практическія работы учениковъ на полѣ были производимы также подъ руководствомъ Магницкаго, и онъ же былъ отвѣтственнымъ хранителемъ инструментовъ.

Такъ рисуется личность Магницкаго по тѣмъ очень скуднымъ фактическимъ даннымъ. Изъ всей его біографіи кажется несомнѣнно только одно, что онъ умеръ въ 1739 г. 19 октября. Въ словарѣ митрополита Евгенія сказано: „а скончался въ 1739 году 19-го октября, 70 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Москвѣ въ церкви Гребенской Богоматери, что за Никольскими воротами, въ которой же стѣнѣ вырѣзана ему и надгробная надпись“. Эта церковь находится на Лубянской площади, на углу Мясницкой улицы. Но напрасно бы мы стали искать на стѣнѣ церкви этой надписи. Она уже давно исчезла, по крайней мѣрѣ Берхъ, который писалъ до 1834 года, говоритъ: „Гдѣ на стѣнѣ изсѣчена ему была и надгробная надпись, къ сожалѣнію до насъ не дошедшая“. Объ этой надписи упоминается въ сочиненіи „Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества“, сост. А. Мартыновымъ: „Какъ въ стѣнѣ, такъ и въ помостѣ вставлены надгробные камни, указатели именъ и могилъ. На нихъ читаются фамиліи князей Щербатовыхъ, Урусовыхъ, графовъ Толстыхъ, здѣсь погребены роды Волынскихъ и Магницкихъ, изъ которыхъ извѣстенъ первый сочинитель ариѳметики, погребенный въ 1739 году“. Теперь нѣтъ никакого помоста, обыкновенный деревянный полъ, нѣтъ никакихъ надписей, и могила перваго русскаго педагога методиста погребена подъ позднѣйшими наслоеніями текущей дѣйствительной жизни.

ЛИТЕРАТУРА О МАГНИЦКОМЪ.

Сочиненія Магницкаго:

- 1) Аріѳметика, сирѣчь наука числительная. 1703 г.
- 2) Таблицы синусовъ, тангенсовъ и секансовъ. 1716 г.
(Книга составлена въ сотрудничествѣ Андрея Өархварсона, Степана Гвына, подъ наблюденіемъ Якова Вилимовича Брюса).
- 3) Таблицы горизонтальныя сѣверныя и южныя широты. 1722 г.
(Книга переведена съ голландскаго яз. Шацъ Камера 1697 г. въ сотрудничествѣ Андрея Өархварсона).
- 4) Записки Леонтія Магницкаго къ дѣлу Тверитинова.
(Издано по рукописямъ изъ собранія кн. П. П. Вяземскаго. Спб. Изд. Общ. любит. рос. письм. 1883 г.).

О Магницкомъ:

Пекарскій. „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел.“. Т. I, стр. 267, 269—271. Т. II, стр. 73—74, 371, 586.

У него указаны слѣдующія сочиненія:

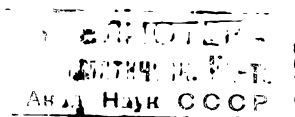
- 1) *Берхъ.* „Жизнеописаніе Магницкаго“ въ Записк. адмир. департамента, ч. 8, 1825 г. „Жизнеописаніе первыхъ російскихъ адмираловъ“.
- 2) *Соколовъ.* „Русская мирская бібліотека“ въ записк. гидр. департамента, ч. V, 1847 г. и „Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса“ (заимств. у Берха).
- 3) „Московск. Вѣдом.“ за 1857 г., №№ 68, 69 и 74. „Первая печатная ариѳметика въ Россіи“ *).

Бобынинъ. „Физико-матем. науки въ ихъ настоящемъ и прошломъ“. Т. VII, 1888 г., № 3 и 4. Т. VIII, 1889 г., № 1 и № 2.

С. М. Соловьевъ. „Ист. гос. російск.“. Т. XV, стр. 1345—1346.
Письмо Курбатова къ Головину.

Смирновъ. „Истор. моск. славяно-греко-латин. академія“, стр. 252.

Митр. Евеній. „Словарь русскихъ свѣтск. писат.“. Т. II, стр. 40.

*) Какъ будто эти номера помѣчены г. Пекарскимъ ошибочно.